

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

А.А. ТИШКИН

АЛТАЙ В МОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ
(по материалам археологических памятников)

Монография

Барнаул
2009
Азбука

УДК 930.26(571.151)
ББК 63.48(2Рос-4Алт-6Г)
Т473

Научный редактор:
доктор исторических наук **В.В. Горбунов**

Рецензенты:
доктор исторических наук **А.В. Харинский**;
доктор исторических наук **Ю.С. Худяков**;
кандидат исторических наук **С.В. Неверов**

Т473 **Тишкин, А.А.**

Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников) :
монография / А.А. Тишкин. – Барнаул : Азбука, 2009. – 208 с.: ил. + вкл.

ISBN 978-5-93957-367-2

Монография посвящена результатам изучения памятников монгольского времени, обнаруженных и исследованных в разные годы на территории Лесостепного и Горного Алтая.

Издание рассчитано на специалистов в области археологии, этнографии, музеологии, культурологии, а также на широкий круг лиц, интересующихся средневековой историей Алтая.

УДК 930.26(571.151)
ББК 63.48(2Рос-4Алт-6Г)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект №08-01-60101а/Т «Алтай в монгольское время (XII–XIV вв.)»), а также в рамках реализации гранта Президента России НШ-5400.2008.6 «Создание концепции этнокультурного взаимодействия на Алтае в древности и средневековье» и Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по проекту «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016)

ISBN 978-5-93957-367-2

© Тишкин А.А., 2009

ВВЕДЕНИЕ

При составлении в 2007 г. заявки в Российский гуманитарный научный фонд по региональному конкурсу «Российское могущество: Алтайский край» в качестве одного из результатов реализации проекта, посвященного изучению монгольского периода на Алтае, была запланирована небольшая монография. В ней предполагалось изложить историю исследования археологических памятников указанного исторического отрезка и представить краткую сводку известных к настоящему времени немногочисленных объектов и случайных находок. В ходе целенаправленного сбора материалов ситуация несколько изменилась, и в итоге обозначилась необходимость более объемного обобщения имеющихся археологических источников с учетом демонстрации процесса их выявления и осмысления. Такой подход и нашел отражение в подготовленной электронной «рукописи», которая существенно превышала параметры ранее задуманного издания. Исходя из имевшихся по гранту финансовых возможностей и при дополнительном привлечении средств в данную монографию удалось включить значительную часть результатов проделанной работы. При этом основное внимание уделялось более полному представлению памятников монгольского времени, известных на сегодняшний день в лесостепной и горной зоне такого крупного историко-культурного ареала, как Алтай.

Прежде чем перейти к истории открытий и процессу изучения, а также к характеристике исследованных комплексов, есть смысл напомнить ряд событий, которые произошли в Евразии с XII по XIV в. и были связаны с созданием, расширением и распадом Монгольской империи. Это даст возможность в определенной мере соотнести исторические сведения, полученные в основном из письменных источников, с имеющимися археологическими данными. Такой подход обеспечивает возможность дальнейшего комплексного анализа увеличивающейся научной информации.

Монгольское время в истории евразийского континента освещено в огромном количестве научной и научно-популярной литературы. Эти публикации главным образом создавались с опорой на довольно обширные письменные источники, среди которых имеются китайские, персидские, монгольские, арабские, армянские, русские, западноевропейские и другие произведения (см. перечень, обзоры и некоторые переводы: Владимирцов Б.Я., 1934; Мункуев Н.Ц., 1970; Чуллуны Далай, 1983; Кычанов Е.И., 1997; История монголов, 1997; Хара-Даван Э., 2002; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2004; Храпачевский Р.П., 2004; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Г., 2006; Юрченко А.Г., 2002, 2006, 2007; и мн. др.). Одним из базовых исторических повествований является сборник летописей Рашид-ад-дина (2002а–б). В то же время имеющихся археологических материалов существенно не хватает для того, чтобы объективно дополнить характеристику важного периода истории, проверить принятые без должных доказательств положения, а главное – реконструировать этнокультурные процессы, которые проходили на окраинах империи, что отсутствует или слабо отражено в письменных, изобразительных и других свидетельствах. Для этого необходимы целена-

правленные исследования во многих регионах Евразии, в том числе и в бывшей центральной части Монгольской империи.

На военно-политической арене кочевники-монголы появились и стали играть заметную роль в XII в. Процесс становления их могущества имеет свою историю, которая до сих пор не лишена «белых пятен» и противоречивых оценок. Однако совершенно понятно, что произошедшие в развитом средневековье события являлись важными страницами эпохи. Они определили дальнейшие пути развития многих стран и народов.

В XII в. Горный Алтай, а также некоторые соседние территории оказались захвачены продвинувшимися на запад монголоязычными племенами найманов. Предыдущие тюркские и кыргызские традиции прекращают свое существование и на их смену приходят новые (Тишкин А.А., 2007а, с. 226). По всей видимости, какая-то масса населения Алтая была вовлечена в военно-политические мероприятия того времени, другая же оказалась ассимилирована, переселена или уничтожена. Так или иначе, но имеющиеся немногочисленные археологические материалы демонстрируют приход и распространение в Горном Алтае новых групп людей, а затем и полное доминирование культуры кочевников из восточных районов Центральной Азии.

Активные миграционные процессы, начавшиеся после падения киданьской империи Ляо в 1125 г. и в период формирования нового государства Западное Ляо, носили своеобразный характер. Исследователям порой очень трудно или даже невозможно точно локализовать места проживания известных народов и детально реконструировать пеструю этнополитическую картину из-за постоянных передвижений, военных конфликтов и других нестабильных сторон жизни разрозненных кочевых племен развитого средневековья (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2004; Кадырбаев А.Ш., 2007; Нанзатов Б.З., 2008; и др.). Но тенденция распространения монголоязычных этносов в западном направлении хорошо фиксируется многими источниками.

В сборнике летописей Рашид-ад-дина (2002а, с. 135–140) есть параграф, посвященный племени найман, «...которого имеется несколько ветвей». Из него мы узнаем, что племена найманов были кочевниками, одна часть которых обитала на равнине, а другая – в гористых местах. «Эти племена найманов и их государи были уважаемыми и сильными; они имели большое и хорошее войско; их обычаи и привычки были подобны монгольским» (Рашид-ад-дин, 2002а, с. 137). В начале XII в. найманы продвинулись к западу и вытеснили с верховьев Иртыша кыпчаков, а затем распространили свое могущество на всю Южную Сибирь. Наиболее важные успехи были связаны с предводителем, которого, по сообщению Рашид-ад-дина (2002а, с. 139), звали Иванч-Билгэ Буку-хан. После смерти грозного вождя наследниками разделенного улуса найманов стали два его сына – Таян-хан и Буюрук-хан. Первый имел ставку в верховьях Иртыша, а второй – на территории Алтайских гор. Братья между собой были в плохих отношениях. Этим воспользовался кереитский предводитель Ван-хан, который в союзе с усилившимся монгольским вождем Темучжином решил напасть на племя Буюрук-хана. Военные действия начались в 1198 г. Объединенные войска застали врасплох найманов в местности Кызыл-Баш* около Алтая и учинили грабеж. Буюрук-хану удалось убежать и скрыться в области Кэм-Кэмджиут, которая локализуется исследователями в верховьях Енисея. Дальнейшее продвижение войск союзников было остановлено найманским полководцем по имени Кокэсэу-Сабрах (Храпачевский Р.П., 2004, с. 97–98). Но затем найманы все же потерпели поражение. В 1199 г. военная кампания монголов с кереитами против найманов была

* Данное название соотносится с обозначением озера (ныне – Улунгур-Нур) (Кызласов Л.Р., 1969, с. 131).

успешно продолжена. Однако только в 1204–1205 гг., после захвата Темучжином керейтских владений, укрепления могущества и реорганизации армии, разгром монголами найманов во главе с Таян-ханом был окончательно завершен. В результате земли Джунгарии и современной Северо-Западной Монголии составили часть формировавшейся империи. Эти события способствовали окончательной консолидации власти в руках Темучжина.

Годом создания монгольской государственности считается 1206. На всемонгольском курултае предводитель объединенных племен Темучжин был провозглашен Чингисханом*. С этого времени начался активный процесс расширения империи за счет присоединения ближайших стран и народов, а также стала осуществляться раздача уделов сыновьям и членам своего рода (Никитин А.Н., 2007, с. 97). Такая политика проводилась на территории нынешней Южной Сибири. Покорение северных «лесных народов» и кыргызов Чингисхан поручил своему старшему сыну Джучи. Вероятным поводом для начала военной операции послужило пребывание найманского хана Буюрука на территории кыргызского княжества Кэм-Кэмджиут. В 1207 г. войско, возглавляемое Джучи, без особого сопротивления подчинило полиэтническое население Алтае-Саянской горной страны. Данный поход способствовал продолжению миграционных процессов, начавшихся в связи с активными военными действиями монгольской армии. В 1208 г. Чингис-хан поручил Джучи решение проблемы долго сопротивлявшихся меркитов. В ходе осуществленной операции монгольские войска продвинулись в долину Иртыша. Тем самым обозначилось дальнейшее направление действий по покорению кочевых племен, проживавших в обширных степях (Дешт-и-Кыпчак).

В 1218 г. Джучи был вынужден повторить поход в южно-сибирские земли, в связи с произошедшим там восстанием под эгидой кыргызов (Кызласов Л.Р., 1969, с. 133–134). В следующем году он двинулся на территорию восточных кыпчаков и основал свою ставку в долине Иртыша. По мнению Ю.С. Худякова (2009, с. 105), именно это событие можно считать временем создания самостоятельного улуса Джучи в составе Монгольской империи Чингисхана**.

При поддержке отца и в ходе проведения самостоятельной политики Джучи значительно расширил владения и перенес свою ставку в центрально-казахстанские степи. К моменту внезапной смерти старшего сына Чингисхана в 1227 г. территория улуса Джучи охватывала огромные пространства. Однако после трагического события земли Алтае-Саянского нагорья и некоторые районы Западной Монголии были переданы в управление Тулуя (младшего сына Чингисхана) и включены в состав улуса Великого хана. Позднее они стали частью Юаньской империи. С оформлением Чагатайского улуса к нему отошла Средняя Азия. Правителем оставшейся части земель, завоеванных под предводительством Джучи, стал его второй сын Бату, который, по повелению Чингисхана должен был продолжить дело своего отца, расширяя империю на запад. Военные действия в этом направлении были предприняты в 1229 г. Затем последовали другие операции, завершившиеся объединением всех кочевых племен, проживавших в степях от Волги до Оби.

После смерти Чингисхана (1227 г.) был выбран новый правитель. В 1229 г. им стал его третий сын и преемник Угэдэй (1186–1241), который продолжил политику отца. В 1235 г.

* По мнению Е.И. Кычанова (1997, с. 190–192), такое провозглашение было не первым.

** В отечественной историографии становление самостоятельности улуса Джучи (Золотой орды) традиционно определяется 1240-ми гг. М.А. Усманов (2000, с. 30–31) считает, что более верной датой являются 1260-е гг., когда при хане Менгу-Тимуре начали чеканить монеты с полным титулом правителя государства.

на курултае было принято решение о грандиозном походе в Европу под руководством Бату и при общей поддержке правящей элиты. Военным советником назначили талантливого военачальника того времени Субэдэя. Подготовленный поход реализовывался в течение нескольких лет, но был прекращен в связи со смертью великого хана Угэдэя. Бату вернулся в Поволжье, где располагалась его ставка, которая стала столицей создаваемого огромного государства, получившего в научной литературе обозначение «Золотая Орда».

Территория Лесостепного Алтая входила в состав улуса Джучи сразу после его обособления и осталась за ним после раздела в 1227 г., когда земли Южной Сибири отошли к улусу Великого хана. Вероятно, присоединение Верхнего Приобья, в отличие от Алтае-Саянского нагорья, проходило относительно мирным путем. Об этом свидетельствует сохранение значительной части местного населения и многих черт предшествующей сросткинской культуры. Однако отмечаются и значительные изменения, что проявилось в смене ориентации при захоронении, появлении новых элементов погребальной обрядности, а также в полном восприятии материальной культуры, основанной на монгольских традициях (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002).

В середине XIII в. остро обозначилась борьба за престол великого хана. С этого же времени начался процесс распада Монгольской империи, который усилился после смерти Мэнгу-хана в 1259 г. В данный момент на политическую арену выходят два сына Тулуя. Хубилай в борьбе за власть одолел своего брата Ариг-Буга, возведенного на престол во время великого курултая, состоявшегося в Каракоруме. Хубилай управлял завоеванными землями Северного Китая, был образован и смог узурпировать власть только при определенной поддержке. В 1260 г. он созвал другой курултай и провозгласил себя монгольским «великим ханом» (Чулууны Далай, 1983, с. 35–36; Кызласов Л.Р., 1969, с. 134–135). В течение нескольких лет между братьями продолжались сражения и противостояния, но, в конце концов, в 1264 г. Ариг-Буга сдался.

В начале своего правления Хубилай провел целый ряд преобразующих мероприятий, опираясь на китайский опыт. В 1271 г. он дал название формирующемуся новому государству – Юань. Данное обозначение переводится с китайского языка как «начало», «исконный», «коренной» и т.д. (Чулууны Далай, 1983, с. 45). Начиная с 1272 г. в империи стала реализовываться идея создания военно-пахотных поселений. В связи с этим активно использовалась система переброски народов с одних мест в другие.

Став великим ханом, Хубилай не только вел борьбу за свое правление, но и продолжил завоевание Китая, которое завершилось в 1279 г., когда была уничтожена династия Южная Сун.

В 1292–1293 гг., по приказу Хубилая, армия под предводительством опытного полководца кыпчака Тутуха повторно покорила народы Саяно-Алтая, которые после восстания 1273 г. обрели независимость. Завоеванная территория стала частью провинции Лин-бэй*. На покоренных местах были оставлены военные поселенцы. Часть местных народов уведена в другие районы империи.

В 1294 г. Хубилай умер, и для решения государственных дел был временно назначен Камала (Гаммала)**. В 1295 г. на престол вступил внук Хубилая – Тэмур, который правил до 1307 г.

* В XIII–XIV вв. вся Монголия согласно административному и территориальному делению имела название «Лин-бэй дэн-чу син-чжун-шу-шэн» с центром в г. Каракоруме. Она делилась на внутреннюю часть, которая непосредственно подчинялась великому хану, и на Ойрат-монголию, предназначенную для разведения стад государственного скота. Кроме этого, существовали и другие территории (Чулууны Далай, 1983, с. 52–56).

** Сын Джингима, второго сына Хубилая (Мункуев Н.Ц., 1970, с. 411).

В 1309 г. наместник провинции Лин-бэй выступил с предложением к императору об устройстве на северной стороне Алтая военно-пахотного поселения (Кызласов Л.Р., 1969, с. 138). Был ли реализован этот проект или нет, остается неизвестным.

После падения династии Юань в 1367–1368 гг. Монголия разделилась на две основные части – восточную и западную (Чулууны Далай, 1983, с. 56). В последующее время активная военная деятельность китайцев привела к тому, что в 1380 г. войска династии Мин захватили и разрушили Каракорум. Возникшие на осколках Монгольской империи мелкие княжества не могли противостоять такой силе.

В связи с тем, что политический центр улуса Великого хана и затем Юаньской империи находился в восточной части Азии, Алтайские горы были далекой окраиной. Со времен Чингис-хана там проживали «государственные крепостные» ойрат-монголы (четыре «ойрата»), которые должны были починяться наследнику престола. Сведений о них чрезвычайно мало, и все они разрозненные. Известно, что во 2-й половине XIII в. ойрат-монголы были слабыми и перенесли большое разорение во времена «смуты» Хайду (внука Угэдэя), но затем, «...живя на пастбищах государственных стад, постепенно усилились». В конце эпохи Юань они стали называться племенем Арудая и даже стремились к отделению (Чулууны Далай, 1983, с. 54).

Многолетние войны истощили важные жизненные ресурсы Горного Алтая (Худяков Ю.С., 2002). Явно сократилось количество населения, о чем свидетельствуют археологические и письменные источники. Данное обстоятельство имеет ряд объяснений (Соенов В.И., Эбель А.В., 1994; Тишкин А.А., 2007а, с. 234; и др.). Не исключено, что произошел очередной культурно-генетический «сбой», связанный с причинами военно-политического и социально-экономического характера. Одним из неблагоприятных факторов, который мог негативно сказаться на дальнейшем развитии народов, населявших Алтай, являлось изменение климата (Тишкин А.А., 2005а, с. 320).

Что касается Золотой орды, то границы этого государства простирались от Алтае-Саян на востоке до Дуная на западе и от низовий Сырдарьи до северной таежной зоны. В нем проживало много разных народов, но правящая элита оставалась монгольской (джучиды). Уже при Бату улус Джучи был традиционно разделен на две части – восточную и западную. Одна из них называлась Кок (Синяя) Орда, а другая – Ак (Белая) Орда. Внутри них существовали более мелкие уделы. После Бату в 1256 г. ханом стал Берке, который в годы своего правления попытался чеканить собственную монету, тем самым претендуя на государственную независимость в условиях размежевания крупных монгольских улусов. Однако эта попытка потерпела неудачу. В 1266 г. ханом становится Менгу-Тимур, который окончательно оформляет самостоятельность Золотой Орды. Наивысший ее расцвет приходится на 1-ю половину XIV в. При правлении хана Узбека (1312–1341) государство наладило политические, экономические и культурные контакты с крупными странами Европы и Азии. Это время принято связывать с расцветом городов и возрастающим могуществом. Еще одним важным показателем определяется активная исламизация* населения Золотой Орды (Измайлов И.Л., 2004).

Ситуация довольно резко поменялась после смерти хана Узбека. Начавшаяся эпидемия чумы, а затем многочисленные проблемы политического, экономического, экологического и другого характера привели к междоусобице (Усманов М.А., 2000, с. 38–39). С приходом

* Здесь стоит обратить внимание на важное указание А.Г. Юрченко (2009, с. 417) о том, что «...не стоит путать покровительство мусульманам с объявлением ислама государственной религией».

к власти хана Токтамышша (1380–1396) была реализована попытка восстановления единства государства и возрождения его бывшего могущества. Но в 1395 г. случилось нашествие Тамерлана, после которого произошел окончательный распад Золотой Орды.

Кратко представленная историческая канва позволяет в соответствующем контексте воспринимать имеющиеся археологические сведения. Как уже было отмечено, основная задача монографии – изложение материалов, полученных при раскопках или обследованиях и относящихся к монгольскому времени. К сожалению, не все они представлены в исчерпывающем виде. Тем не менее публикуется подавляющее количество источников, которые оказались доступными к моменту оформления книги.

Следует указать, что в монографии обобщены практически все публикации автора в рамках обозначенной темы. Часть из них создана совместно с коллегами, о чем указывается в тексте или демонстрируется ссылками. Исключение составляет оригинальный авторский текст, включенный без соответствующих указаний и особых комментариев. Представленная работа является продолжением исследований, которые были начаты более 12 лет назад и посвящены изучению монгольского периода в истории Алтая. Их результаты частично нашли отражение в трех монографиях (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005б; Тишкин А.А., 2007а), а также в докторской диссертации (Тишкин А.А., 2006).

Основное количество графических иллюстраций, приводимых в книге, выполнено А.Л. Кунгуровым. В работе также использованы некоторые таблицы и отдельные изображения, подготовленные В.В. Горбуновым. Автор выражает чрезвычайную признательность своим коллегам за многолетнее сотрудничество, которое выразилось не только в совместном проведении экспедиций, разработке и публикации некоторых аспектов обозначенной темы, но и в реализации гранта РГНФ (проект №08-01-60101а/Т, «Алтай в монгольское время (XII–XIV вв.)»). Часть публикуемых рисунков в свое время выполнялась И.А. Чудиным, О.А. Семибратовой, С.А. Ефремовым и самим автором монографии.

Отдельные слова благодарности необходимо выразить своим непосредственным ученикам, которые, будучи сначала школьниками или студентами, а затем аспирантами и преподавателями, участвовали в многочисленных экспедициях, проходивших в разных районах Алтайского края, в Республике Алтай и за рубежом. Важно отметить всестороннюю поддержку и постоянную заботу моей дорогой супруги в процессе реализации многоплановой научно-исследовательской деятельности.

Все отмеченные моменты, а также некоторые другие показатели способствовали появлению данной монографии, отражающей определенный этап в процессе изучения монгольского времени, интерес к которому неуклонно растет, что демонстрируют новые находки и многочисленные публикации, выходящие в России и за рубежом.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЙ И ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ В ЛЕСОСТЕПНОМ И ГОРНОМ АЛТАЕ

В последнее десятилетие наметилась тенденция к ликвидации серьезного пробела в археологическом изучении культуры населения Лесостепного и Горного Алтая монгольского времени. Наряду с имевшимися немногочисленными данными (Грязнов М.П., 1940; 1956; Гаврилова А.А., 1965, с. 44–49, 73–78; Могильников В.А., 1981; 1992; Кунгуров А.Л., 1991; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992; и др.), получены новые материалы из раскопок памятников, расположенных в разных районах обширного историко-культурного ареала (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а–б; 2005а–б; Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П., 2004; Горбунов В.В., 2006; Поздняков Д.В., 2006; и др.). Эти сведения дополняет опубликованная серия случайных находок из музейных коллекций и частных собраний (Горбунов В.В., Клюкин Г.А., 1997; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998а–б; Абдулганеев М.Т., 1998; Иванов Г.Е., 1999, с. 148–151; Горбунов В.В., Исупов С.Ю., 2002; Тишкин А.А., 2002а; Горбунов В.В., Кирюшин К.Ю., 2006; и др.), что способствует увеличению информации о развитии средневековья. Накопление данных приводит к осмыслению и культурно-хронологической оценке ранее исследованных объектов. Для дальнейшего детального изучения археологических источников по периоду монгольского господства в Евразии необходимо обобщение имеющихся материалов в рамках отдельных регионов.

Археологические исследования, проводившиеся в разные годы на территории предгорно-равнинной зоны и в горных районах Алтая, определенным образом оказывались связанными между собой (Тишкин А.А., 2001а). Открытия в одном месте существенно влияли на процесс осмысления материалов, обнаруженных в другом регионе. Это обстоятельство учитывалось автором при обозначении и решении вопросов, возникающих при изучении памятников Алтая развитого средневековья. Период накопления массовых археологических материалов о монгольском времени еще продолжается. Однако имеющиеся сведения в определенной мере позволяют приступить не только к сравнительному анализу и реконструкциям отдельных типов погребений, но и к обобщению всех источников, зафиксированных в рамках обозначенной территории. Для эффективной реализации последнего направления научной деятельности необходимо назвать сами археологические объекты и изложить историю их изучения. Следует обратить внимание, что процесс открытия и исследования памятников в Лесостепном и Горном Алтае представлен в этой главе вместе, что обусловлено несколькими причинами. Об одной из них, касающейся осмысления результатов раскопок, уже сказано несколько выше. Кроме этого, укажем, что в советское время административно обозначенные территории историко-культурного плана большей частью входили в границы Алтайского края, лишь после преобразования Горно-Алтайской автономной области в Республику Алтай

обозначились разные субъекты Российской Федерации. Данное обстоятельство, казалось бы, косвенное или не совсем важное, все же определяло направления исследований и влияло на результаты интерпретации письменных и археологических источников. Наконец, имеющихся данных не так много, чтобы их дробить и вырывать из контекста состоявшегося процесса изучения, ориентируясь только на региональные признаки.

Теме, обозначенной в названии главы, автором посвящена серия публикаций. Часть из них была написана специально и отражала результаты деятельности исследователей на разных этапах становления археологии Западной и Южной Сибири. Такие статьи размещены в многочисленных изданиях (Тишкин А.А., 1998, 2000а–б; 2001а–в; 2004б; 2005в; и т.д.). Материалы историографического плана также нашли отражение и в нескольких монографиях (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 9–36; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005б, с. 28–31; Тишкин А.А., 2007, с. 215–233). Однако следует указать, что в основном в обозначенных работах подробно освещался первый этап открытия и изучения памятников Алтая монгольского времени. В данной части монографии постараемся в той или иной мере аккумулировать все имевшиеся наработки, обобщив сведения, накопленные в течение многих лет, а также их существенно расширив и дополнив за счет материалов, которые были получены за последние три десятилетия. При этом важно отметить, что некоторые детали, касающиеся частных или специфических моментов, здесь не будут изложены, а найдут отражение в следующих двух главах, где представлены памятники, отдельные объекты или находки интересующего нас периода евразийской истории. Попытку продемонстрировать процесс и проблемы изучения памятников Алтая XI–XIV вв. в свое время предпринимал С.А. Ефремов (1998а). Несмотря на краткий формат его статьи, некоторые отдельные сообщения дополняют излагаемые в монографии сведения.

Начальный этап накопления материалов по средневековой истории Алтая связан с деятельностью коллекционеров, местных краеведов и других любителей старины, которые в свое время получили возможность для формирования собственных археологических собраний (Тишкин А.А., 2007а, с. 30–42). Отдельные предметы, датируемые монгольским временем, имелись в коллекциях известных исследователей Сибири П.К. Фролова, Г.И. Спасского, В.В. Радлова и др. Эти материалы ныне хранятся в музеях России, а также за рубежом. Для введения их в научный оборот еще предстоит большая и поэтапная работа. Данный процесс уже начат, в том числе и автором монографии, но идет он чрезвычайно медленно, так как сопряжен со многими трудностями.

Значительный вклад в изучение истории Алтая внесли известные барнаульские краеведы Степан Иванович и Николай Степанович Гуляевы. Они собирали всевозможные сведения о древних и средневековых памятниках. Н.С. Гуляев посвящал археологии довольно много своего свободного времени (Тишкин А.А., Тишкина Т.В., 1998; Тишкина Т.В., 2009). Он занимался пополнением собрания древностей, приобретая предметы старины, осуществляя сборы на археологических памятниках (Демин М.А., 1989, с. 69). В документах ЦХАФ АК (Барнаул), в архивах ИИМК РАН, РЭМ (Санкт-Петербург), АГКМ (Барнаул), Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ (Томск), а также в некоторых других учреждениях сохранились сведения о проведении Н.С. Гуляевым самостоятельных исследований. При их изучении выяснилось, что барнаульский краевед в начале прошлого века в окрестностях д. Большая Речка (ныне – с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края) раскопал могилу, которую можно отнести к монгольскому времени (Тишкин А.А., 2008а). При знакомстве с коллекцией №3750, хранящейся в Музее антропологии и этнографии им. Пе-

тра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), наряду с другими обширными материалами, выявлены характерные предметы развитого средневековья. Отдельные предметы вооружения имеются и в коллекции Н.С. Гуляева, которая хранится в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (Горбунов В.В., 2006, с. 138, рис. 45.-5).

Н.С. Гуляев первым из местных краеведов и членов Общества любителей исследования Алтая получил от Императорской археологической комиссии Открытый лист на осуществление в 1898 г. раскопок в пределах Алтайского округа (Тишкина Т.В., 2009, с. 13). После этого, такое разрешение ему выдавалось еще дважды. В 1903 г. Н.С. Гуляев планировал осуществить работы на «Большереченском городище», но был вынужден отказаться от раскопок курганов и отправился в с. Усть-Чарышское для исследования известного ему древнего памятника. На месте Николаю Степановичу пояснили, что интересовавший его объект находится между селением Елбанским и д. Коловой. Обнаруженный комплекс располагался на болотистой низменности, недалеко от левого берега Чарыша. По рассказам крестьян, прежде на той местности рос березняк, но затем его вырубili. Археологический объект занимал значительную площадь, имевшую вид правильной трапеции. Н.С. Гуляев измерил городище и установил, что на нем находится поросшая кустарником поперечная канава шириной около 2 м. Около этого рва, по мнению краеведа, располагался «курган». В нескольких местах памятника были заложены шурфы. В распоряжении археолога-любителя оказались кости животных и несколько фрагментов керамики.

Осмотр и исследования на памятнике, получившем обозначение Елбанка (Елбанка-I – по Я.В. Фролову (1999, с. 12)), производились уже в советское время. В 1920-е гг. там побывали М.Д. Копытов и С.М. Сергеев. Значительная часть разновременного материала ныне хранится в АГКМ (коллекции №12693, 12696, 12699, 12909, 12985, 13006). Эти многочисленные находки получены в конце 1960-х и в начале 1970-х гг. в ходе раскопок, осуществленных Э.М. Медниковой. В 1987 г. на городище Елбанка исследования проводил В.А. Могильников. Несмотря на то, что сведения о памятнике и отдельные изделия, обнаруженные на этом комплексе, опубликованы (Иванов Г.Е., 1987; Демин М.А., 1989; Тишкин А.А., Медникова Э.М., 1993; Могильников В.А., 1997; Фролов Я.В., 1999; и др.), и состоялось краткое культурно-хронологическое обобщение материалов (Абдулганеев М.Т., 2001), тем не менее основной массив данных в научный оборот до сих пор не введен. Среди них имеются находки, датируемые XII–XIV вв. (Абдулгаев М.Т., 2001, с. 82–83).

Коллекции, полученные в результате археологических работ 1903 г., Н.С. Гуляев передал в музей Алтайского подотдела ЗСО ИРГО (Тишкина Т.В., 2005, с. 138). Согласно записям инвентарной книги, в музей поступили наконечники стрел, ножи, кельт, топор, «медная» бляшка от поясного набора, глиняная форма для отливки ножей, стремя и другие предметы из железа, камни со следами обработки, кости человека и животных, а также несколько десятков фрагментов керамики (АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–5, 7–8). В настоящее время предметы хранятся в АГКМ (колл. ОФ №28–35) и лишь частично опубликованы.

В 1912 г. Н.С. Гуляев продолжил археологические исследования на Алтае. Основными источниками для изучения предпринятых тогда работ являются машинописный текст «Отчета об археологических раскопках в окрестностях деревни Большая Речка Ильинской волости Барнаульского уезда, произведенных летом 1912 года», «Кроки местности раскопок посл. чисел VI/VII 1912 г. и 20-х чисел сентября 1912 / Большереченское городище» (РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 210), рукописный черновой вариант указанного отчета (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2782) и записи полевого дневника Н.С. Гуляева (ЦХАФ АК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 236). Все

эти материалы, а также сведения о деятельности Н.С. Гуляева, представленные М.П. Грязновым (1956, с. 10–12, 28, 154–155), существенно дополняют друг друга, а при тщательном изучении позволяют воссоздать последовательность проведения раскопок в 1912 г. и конкретизировать их результаты (Тишкина Т.В., 2006, с. 126).

В мае 1912 г. председатель Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, этнографическом и лингвистическом отношениях академик В.В. Радлов сообщил Н.С. Гуляеву о том, что по окончании полевых работ отчет с результатами исследований и обнаруженные предметы необходимо выслать в адрес Музея антропологии и этнографии Императорской академии наук (Тишкина Т.В., 2006, с. 126). Однако только в 1914 г. Николай Степанович смог выполнить это требование. На многих этикетках, прикрепленных к находкам уже упомянутой коллекции №3750, хранящейся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), имеются записи, что исследования проведены в июне 1912 г. Правда, кое-где год подправлен. Кроме этого, в описи коллекции отмечено, что находки происходят из пяти курганов и со сборов, но непосредственно на бирках отмечен еще и курган №6, из которого происходят стремена, удила, тесло и некоторые другие предметы.

К сожалению, многочисленные материалы указанной коллекции не были использованы исследователями, которые непосредственно занимались изучением археологии Алтая. Не обратил особого внимания на них и М.П. Грязнов, хотя такая возможность у него имела. В своей базовой монографии Михаил Петрович лишь отметил, что собранные Н.С. Гуляевым коллекции «...хранятся в Барнаульском и Горноалтайском музеях, в Музее антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде и в Государственном историческом музее в Москве», но они «...плохо документированы, а отчетов о раскопках не имеется» (Грязнов М.П., 1956, с. 6). Кроме этого, краевед-любитель неправильно идентифицировал выявленные археологические объекты, объединив их в «Большереченское городище». Поэтому в 1920-е гг. М.П. Грязнов предпринял свои изыскания на памятниках в урочище Ближние Елбаны, которые завершились послевоенными масштабными раскопками.

Несмотря на обозначенные трудности в работе с материалами, полученными Н.С. Гуляевым, все же справедливости ради отметим, что имеющиеся его отчеты и другие обширные архивные свидетельства позволяют получить необходимую информацию. Этот кропотливый труд требует длительного времени, но уже полученные кое-какие положительные результаты (Тишкина Т.В., 2006; 2009) позволяют надеяться на хорошие перспективы при специальном научном поиске.

Как уже было отмечено, в коллекциях Н.С. Гуляева есть материалы монгольского времени из случайных находок, но не все они найдут отражение в данной монографии из-за того, что их происхождение с территории Лесостепного и Горного Алтая находится под большим вопросом. Тем не менее введение в научный оборот архивных и музейных сведений в конечном итоге может прояснить ситуацию с выяснением происхождения многих предметов из известных собраний Н.С. Гуляева.

Следующий шаг в изучении памятников Алтая монгольского времени связан с активной деятельностью С.И. Руденко, который в 1924–1925 гг. являлся начальником Алтайской экспедицией Этнографического отдела Русского музея, в задачи которой «...входило изучение физического типа коренного населения Алтая, его быта в условиях окружающей физико-географической обстановки, а также культур древнего населения Алтая» (Руденко С.И., 1926, с. 61).

В 1924 г. в долине р. Чулышман А.Н. Глухов (псевдоним Л.Н. Глушкова. – *Авт.*) открыл знаменитый памятник Кудыргэ и приступил к его исследованию под руководством С.И. Руденко (1926). Раскопки там осуществлялись и в следующем полевом сезоне. Предварительное обзорное сообщение о полученных результатах опубликовано в 1927 г. (Руденко С., Глухов А., 1927). В статье был представлен план могильника (рис. 1) и даны изображения части вещей (венчик, серьга, зеркало, колчан со стрелами и др.), которые относятся к монгольскому времени (Гаврилова А.А., 1965).

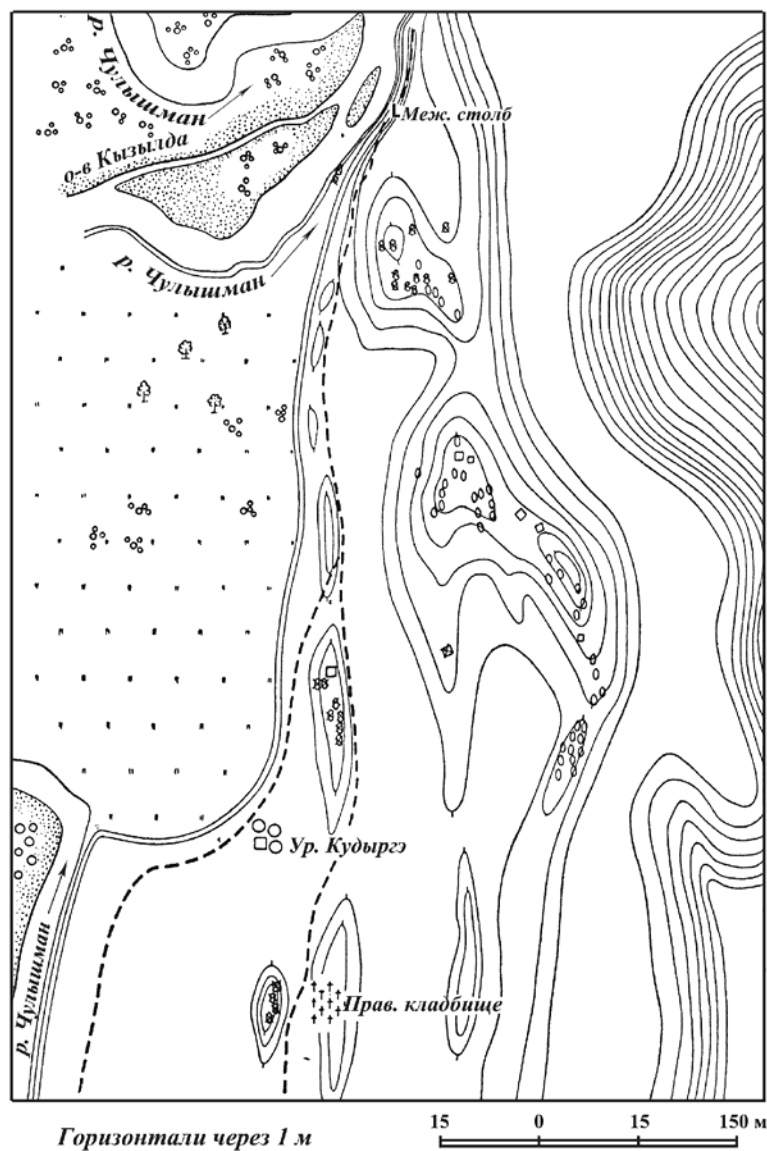

Рис. 1. План памятника Кудыргэ (по: Руденко С., Глухов А., 1927, рис. 2)

Изложенные сведения привлекли внимание широкого круга археологов (Гаврилова А.А., 1965, с. 3). В частности, в 1930 г. вышла работа М.П. Грязнова «Древние культуры Алтая», которая заложила основу археологического изучения одного из важных регионов Северной Азии (Тишкин А.А., 2000а; 2007а, с. 53). Известные к тому времени материалы из исследованных памятников и случайные находки М.П. Грязнов (1930, с. 4, 10–11) подразделил без каких-либо конкретных хронологических показателей на семь основных этапов, схематически отражавших последовательное развитие истории и смену культур Алтая от неолита до X в. н.э. Ко второй стадии железной культуры он отнес предметы, найденные на могильнике

Кудыргэ, опираясь на статью С.И. Руденко и А.Н. Глухова (1927), в которой указанный памятник в целом датирован VII в. н.э. Лишь значительно позднее А.А. Гаврилова (1965, с. 5, 44–45, 73), проанализировав все материалы, выделила среди них более поздние могилы «часовенногорского типа», которые отнесла к периоду монгольского господства (XIII–XIV вв.). Однако при издании работы в 1930 г. М.П. Грязнов не располагал такой информацией и поэтому считал, что «...пока нет ни одного сколько-нибудь характерного памятника на Алтае, который мог бы быть датирован временем после X в. н.э.». Основываясь на этом, он сформулировал задачу дальнейших исследований: «...заполнить пробел, существующий между культурой сrostкинских курганов и культурами современными...» (Грязнов М.П., 1930, с. 9). Процесс изучения данного периода средневековой истории затянулся на многие десятилетия (Худяков Ю.С., Плотников Ю.А, 1996; Тишкин, 2000б; 2001а; и др.).

Частичному решению обозначенной проблемы могли способствовать материалы, добытые Алтайской экспедицией Государственного Эрмитажа в 1939 г. Археологические исследования тогда осуществлялись в долинах рек Чарыш, Кан, Ябоган, Кырлык (Грязнов М.П., 1940, с. 17). В результате раскопок на обширном могильном поле в Яконуре было вскрыто 17 погребений. Полностью результаты работ не были опубликованы. Имеется лишь небольшая статья М.П. Грязнова (1940) с предварительной информацией о результатах экспедиции. В ней кратко представлены описания раскопок и даны некоторые фотографии. К XIV–XVII вв. отнесено одно впускное погребение с богатым набором разнообразных изделий. При этом М.П. Грязнов (1940, с. 21) указал на важность обнаруженных материалов «...в связи с тем, что археологические памятники этого времени для Алтая почти совершенно неизвестны, а письменные источники крайне недостаточны». Анализируя предметный комплекс из Яконура, находящийся в Государственном Эрмитаже (колл. №1554), А.А. Гаврилова (1965, с. 73) отнесла к монгольскому времени впускные могилы А и Д кургана №1 и объект №2. Эти материалы частично использовались в специальных и обобщающих работах по эпохе средневековья (Гаврилова А.А., 1965, с. 73, табл. XXXI; Могильников В.А., 1981, с. 194; Худяков Ю.С., 1997, с. 58–70, рис. 36–44; и др.). Лишь в прошлом году впервые были опубликованы более подробные описания результатов раскопок одного из указанных погребений (Тишкин А.А., 2008б). Эти данные, основанные на архивных и музейных сведениях, существенным образом расширяют информационный потенциал разрабатываемой темы.

В довоенный период стоит отметить обозначившуюся активность музеев и краеведческих организаций, существовавших на территории нынешнего Алтайского края (Тишкина Т.В., 2004; 2009). В 1920–1930-е гг. сотрудники Бийского музея пополняли фонды археологическими находками. Кроме поступлений случайных находок и сборов подъемного материала, были организованы экспедиции, проводившие археологические разведки и раскопки. В них активную роль играли М.Д. Копытов и С.М. Сергеев. В 1929–1930 гг. у с. Красноярское (Смоленский район Алтайского края) на памятнике Змеевка в курганах эпохи бронзы ими были исследованы впускные средневековые захоронения. Полную публикацию поздних материалов осуществил С.В. Неверов, который выделил две группы могил. Одну из них, в которую были включены три погребения, он датировал «...XI–XII вв., не исключено также и начало XIII в.» (Неверов С.В., 1982, с. 118). В настоящее время эти могилы определяются 2-й половиной XI–XII вв. и относятся к змеевскому (позднему) этапу сrostкинской культуры (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 176; Горбунов В.В., 2006, с. 136; и др.).

В 1946–1947 и 1949 гг. Северо-Алтайская экспедиция ГЭ и Института истории материальной культуры АН СССР под руководством М.П. Грязнова проводила раскопки на уже

указанном комплексе памятников в урочище Ближние Елбаны (БЕ). Археологические памятники находились в пойме Оби на дюнах правого берега, около с. Большая Речка (ныне – с. Чаузово Топчихинского района Алтайского края). Задача осуществляемых работ заключалась в выявлении и исследовании разных археологических объектов, чтобы полученный материал отражал «...все этапы культурного развития древнего населения Верхней Оби» и «...представлял надежную опору для хронологической классификации памятников...» (Грязнов М.П., 1956, с. 6–7). Итоги такой деятельности сначала были кратко опубликованы (Грязнов М.П., 1949, с. 110–119; 1951, с. 105–113; 1952; и др.), а затем состоялось и монографическое издание их с привлечением других доступных к тому времени материалов (Грязнов М.П., 1956).

В опубликованной лекции, которую М.П. Грязнов прочитал в 1949 г. на семинаре, организованном в г. Барнауле отделом культурно-просветительной работы Алтайского крайисполкома, по поводу памятников второго тысячелетия было отмечено, что они слабо представлены не только в Алтайском крае, но и во всей Южной Сибири. Поэтому исследованные на БЕ погребения этого времени представляют особый интерес. Лектором они разделялись на три последовательные хронологические группы. Наиболее поздние захоронения датированы XVI–XVII вв. Кроме этого, установлена их определенная этническая принадлежность и продемонстрированы рисунки некоторых вещей интересующего нас времени (Грязнов М.П., 1950, с. 15–17, табл. VIII).

В статье, вышедшей в 1951 г., М.П. Грязнов представил основательную таблицу обозначенных в районе Верхней Оби культур от эпохи бронзы до XVI–XVII вв. В ней даны названия 11 последовательным этапам, имелись конкретные датировки, а вместе с комплексами вещей приведены примеры погребальной обрядности (рис. 2). По сравнению с подобной работой 1930 г. это был существенный прогресс в обосновании культурно-хронологической концепции (Тишкин А.А., 2000а; 2001а, с. 83; 2007а, с. 54–56). М.П. Грязнову удалось «ориентировочно» выделить памятники монгольского времени (XII–XV вв.), в которых, по мнению исследователя, не улавливается «непосредственная преемственность» с предшествующими сросткинскими, датируемыми IX–XI вв. Отмечалось, что население было, видимо, оседлым. Этническую принадлежность его установить трудно, так как «...археологически Южная Сибирь этого времени слишком мало изучена» (Грязнов М.П., 1951, с. 112). Памятники последнего выделенного этапа М.П. Грязнов предлагал связывать с телеутами на основании изучения нескольких погребений, раскопанных в пункте БЕ-VI. Видя существенный пробел в изучении позднего средневековья Сибири, он посоветовал участвовавшему в раскопках на Ближних Елбанах преподавателю Барнаульского пединститута А.П. Уманскому в качестве темы диссертации избрать историю алтайских телеутов (Демин М.А., 1998, с. 60). Эта идея была позднее успешно реализована (Уманский А.П., 1980; 1995).

Стоит отметить еще одну важность указанных работ 1950 и 1951 гг. Дело в том, что в них были представлены рисунки отдельных вещей из погребений монгольского времени (рис. 2), которых нет среди иллюстративных таблиц в монографии 1956 г. Кроме того, часть материалов, полученных на БЕ и представленных ранее в публикациях, М.П. Грязновым (1956) при подготовке к изданию книги была переосмыслена (Тишкин А.А., 2000а; 2007а, с. 55–56). Это особенно касается интересующего нас периода, археологические данные о котором сведены в отдельную главу «Второе тысячелетие н.э. (первая половина)» и рассматривались все вместе (Грязнов М.П., 1956, с. 153–157). При этом автор признавал принадлежность памятников к разным историческим периодам, но затруднялся определить их хронологическую последовательность. Свою позицию известный исследователь обосновыв-

вал тем, что «...близкие к нам периоды истории сибирских племен и народов в археологическом отношении слабо изучены», «число исследованных памятников невелико», и они относительно бедны, «не разработана их хронологическая систематизация», а в связи с этим «не дано еще историко-культурной периодизации для... XI–XVII вв.» (Грязнов М.П., 1956, с. 153). В результате культура населения монгольского времени уже отдельно не рассматривалась, а могильник БЕ-VI обозначен как погребальный комплекс сrostкинской культуры. При этом М.П. Грязнов (1956, с. 151) указал на свою ошибочность отнесения его к телеутам. Таким образом, проблемы изучения средневековой истории племен Верхней Оби остались нерешенными, что, на наш взгляд, являлось отражением объективной ситуации. Анализируя с нынешних позиций материалы памятников, раскопанных экспедицией под руководством М.П. Грязнова на БЕ во 2-й половине 1940-х гг., к монгольскому времени можно отнести лишь небольшое количество конкретных объектов в пунктах БЕ-VI, БЕ-XIV и, возможно, БЕ-II (Тишкин А.А., 2000а; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 134). Эти материалы будут более или менее подробно представлены в следующей главе.

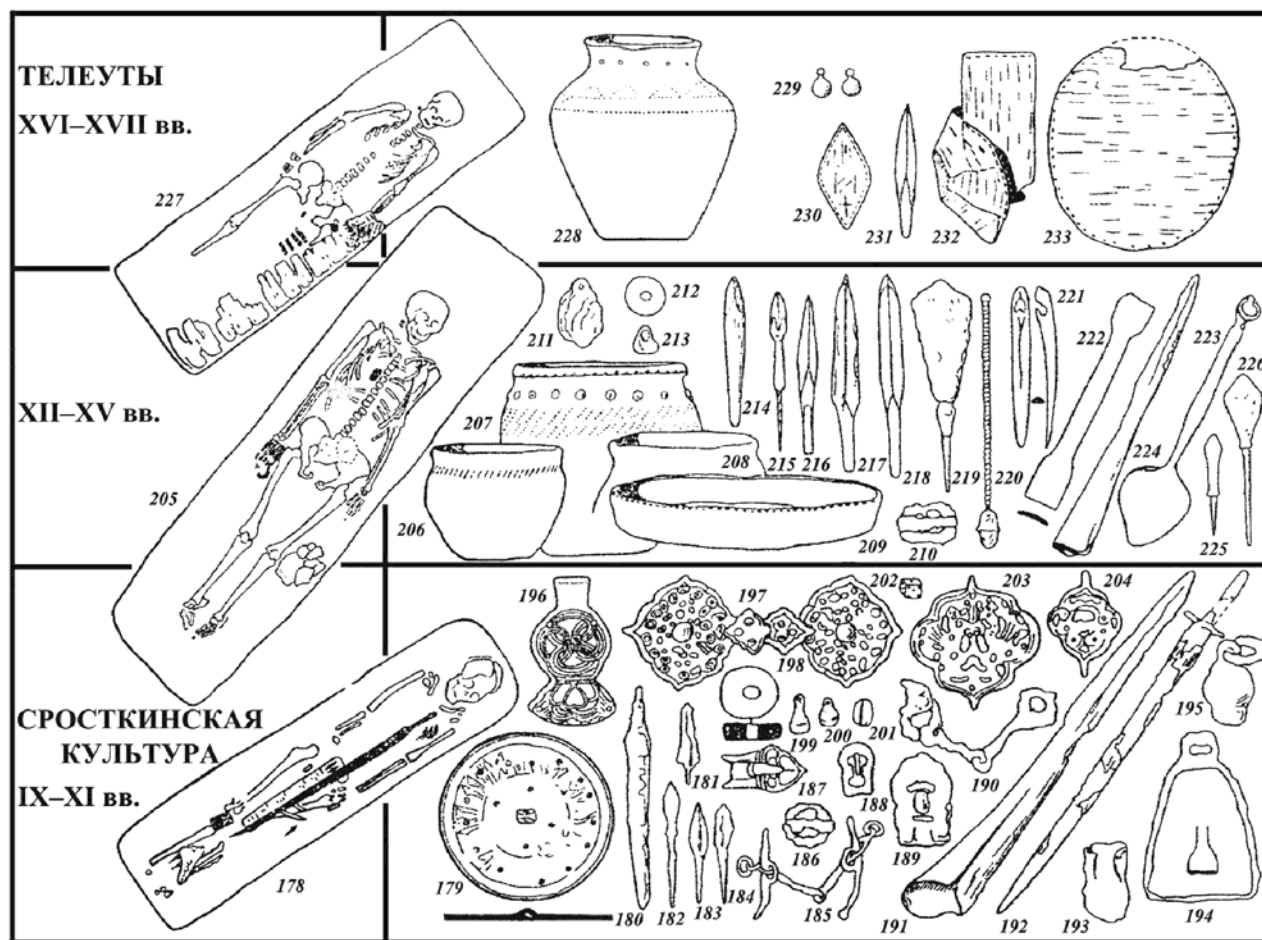

Рис. 2. Фрагмент таблицы с материалами культур, обозначенных М.П. Грязновым (1951, рис. 30) в районе Верхней Оби

В 1948 г. на упомянутом уже памятнике Кудыргэ археологические изыскания продолжила А.А. Гаврилова (1965, с. 5, 3, 44–45), которая позже в вышедшей монографии обобщила весь имевшийся комплекс данных, выделив группу погребений, относящихся к периоду «монгольского господства» (рис. 3). Кроме пяти позднекудыргинских могил (№14, 17, 19–21), к «часовенногорскому» типу исследовательницей отнесены погребальные объекты следующих

памятников: Яконур (курган №1 (впускные могилы А и Д) и курган №2; раскопки М.П. Грязнова в 1939 г.), Пазырык (курган №5, впускная могила; раскопки С.И. Руденко при участии А.А. Гавриловой в 1949 г.) и Красноярское-I (курган №3, могила-2; раскопки С.М. Сергеева в 1930 г.). В книге также приведены аналогии со Среднего Енисея. В результате впервые были обобщены немногочисленные материалы памятников Горного Алтая, относимые А.А. Гавриловой (1965) к монгольскому времени, в основу которых легли главным образом сведения о погребальном обряде и вещевом комплексе нескольких могил из Кудыргэ.

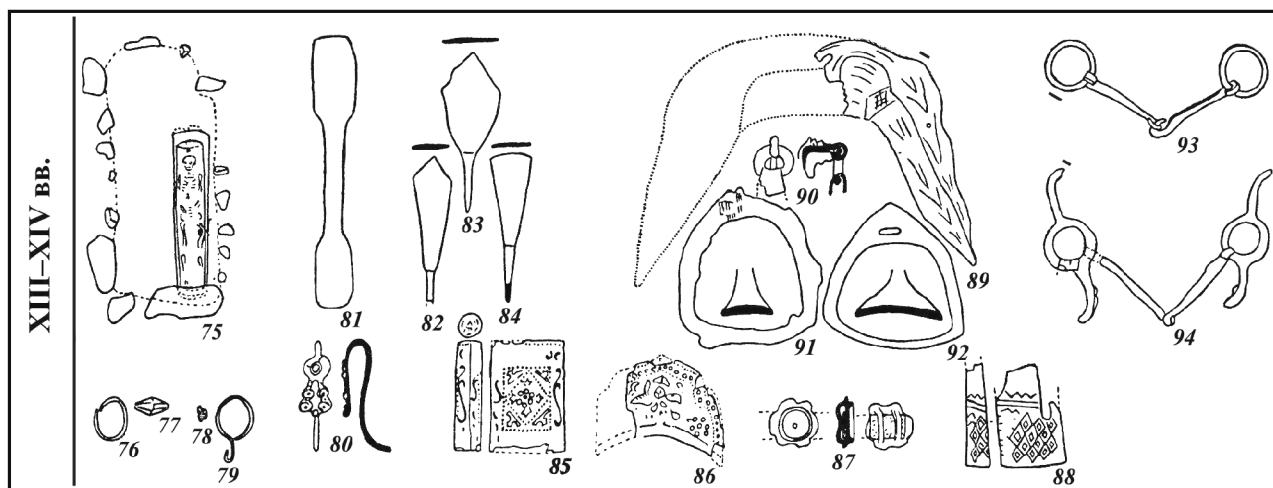

Рис. 3. Фрагмент сводной таблицы «Периодизация могил поздних кочевников Горного Алтая VI–XIV вв.» (по: Гаврилова А.А., 1965, табл. XXXI)

Что касается характеристики других перечисленных объектов, то с ними дела обстояли сложнее. Дело в том, что интересующие нас погребения из Яконура полностью М.П. Грязновым не были опубликованы. Поэтому в монографии А.А. Гавриловой (1965, табл. XXXI.-78–79, 81) использованы лишь некоторые вещи для сводной таблицы (рис. 3; для сравнения: Грязнов М.П., 1940, рис. 6–7), характеризующей периодизацию могил поздних кочевников Горного Алтая, а также отмечены место хранения и номер коллекции изученного предметного комплекса (Гаврилова А.А., 1965, с. 6). Материалы из Яконура до сих пор оставались до конца неопубликованными, хотя они частично использовались в ряде специальных и обобщающих работах по эпохе средневековья (см.: Могильников В.А., 1981; Худяков Ю.С., 1997; и др.). Автором монографии по согласованию с руководством Государственного Эрмитажа подготовлены к изданию имеющиеся данные о погребениях монгольского времени из Яконура, которые впервые будут представлены в третьей главе монографии в расширенном варианте. В основу этих данных легли архивные материалы, хранящиеся в ГЭ*. По всей видимости, они в свое время были подготовлены М.П. Грязновым для отчета. Кроме этого, дополнительно изучалась коллекция №1554, часть предметов из которой ныне размещена в постоянной экспозиции.

Результаты исследований С.М. Сергеева, на которые опиралась А.А. Гаврилова (1965), как уже было сказано, подробно рассмотрены С.В. Неверовым только в 1982 г. На основе анализа обнаруженного предметного комплекса этот исследователь был более склонен относить указанную могилу к предмонгольскому времени (Неверов С.В., 1982, с. 115–118), что позднее закрепилось в выделении змеевского этапа сrostкинской культуры (Неверов С.В.,

* Автор благодарен главному хранителю Леониду Сергеевичу Марсадолову за возможность познакомиться с этими материалами и использовать их в своей работе с разрешения руководства ГЭ.

Горбунов В.В., 2001). Опубликованные А.А. Гавриловой (1965, с. 73, рис. 12) данные о впускной могиле из Пятого Пазырыкского кургана с сегодняшних позиций также не отражают возможность идентифицировать их с материалами монгольского периода в Центральной Азии. Они, вероятнее всего, свидетельствуют о завершающем этапе развития тюркской культуры Алтая (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а, с. 86). В заключение этой части работы следует указать на то, что среди могил и находок, близких к «часовенногорским», А.А. Гаврилова (1965, с. 76: Грязнов М.П., 1956, табл. LIX, LXII) отметила некоторые материалы с БЕ.

После выхода двух обобщающих монографий (Грязнов М.П., 1956; Гаврилова А.А., 1965), в которых были отражены имевшиеся сведения об эпохе средневековья Лесостепного и Горного Алтая, закончился начальный этап в изучении археологических материалов монгольского времени. Его можно определить с начала XX в. до середины 1960-х гг. После этого наступил следующий период накопления и осмысления материалов, который может быть рассмотрен в таких хронологических рамках: середина 1960-х – начало 2000-х гг. В данное время исследователи уже имели определенные ориентиры, продемонстрированные в указанных обобщающих работах. Необходимо отметить, что сейчас результаты исследований М.П. Грязнова (1951; 1956) и А.А. Гавриловой (1965) приобретают существенное значение, их объективно можно рассматривать как определенный и довольно продуктивный шаг в развитии отечественной археологии. Это касается и анализа современных данных о культурах населения монгольского времени в горных и лесостепных районах Алтая. Обозначенный второй этап характеризуется расширением круга исследованных памятников в указанных культурно-исторических регионах (Тишкин А.А., 2001а), а завершается он, вероятно, активным процессом осмысления накопленных сведений (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002; Горбунов В.В., 2003; 2006; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005б; Тишкин А.А., 2007а; Худяков Ю.С., 2002; 2009а–б; и др.), свидетельством чего является, собственно, и данная монография. О том, как происходили накопление и изучение материалов монгольского времени начиная с 1960-х гг., речь пойдет ниже. В этом плане особенно отметим деятельность А.П. Уманского, Б.Х. Кадикова и Д.Г. Савинова, которые в 1960–1970-е гг. обнаружили и раскопали группу погребений развитого средневековья.

В 1960 г. А.П. Уманский проводил обследования и раскопки в Кулунде на территории Родинского района Алтайского края. В ходе этой работы на памятнике Степной Кучук-1 были исследованы два уцелевших от распашки кургана. Обнаруженные захоронения и зафиксированный предметный комплекс были датированы А.П. Уманским (1993, с. 207–211, 213, рис. 1) XIII–XIV вв. Однако в настоящее время эти два объекта относятся к шадринцевскому этапу сrostкинской культуры и определены 2-й половиной X – 1-й половиной XI в. (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с. 176; Горбунов В.В., 2006, с. 134; и др.).

В 1960–1961 и 1965–1966 гг. под руководством А.П. Уманского проводились обследования и аварийные раскопки в урочище Раздумье, которое включает высокий мыс с прилегающей местностью и находится в 5 км ниже с. Дресвянка (Каменский район Алтайского края), на правом берегу Оби (Уманский А.П., 1987; Памятники..., 1990, с. 45–51). В ходе работ зафиксировано несколько памятников. Полученные находки ныне хранятся в Каменском краеведческом музее (Камень-на-Оби) и в Историко-краеведческом музее АлтГПА (быв. БГПУ, Барнаул). В рамках нашей темы особый интерес представляет аварийный грунтовый могильник, обозначенный как Раздумье-Іб (Памятники..., 1990, с. 47). В начале 1960-х гг. он уже частично обрушился в реку. В 1966 г. А.П. Уманским исследована группа средневековых могил. Результаты этих работ частично опубликованы (Уманский А.П., 1987, с. 89–91, 93,

рис. 2). Антропологические материалы изучались томскими антропологами Н.С. Розовым и В.А. Дремовым. А.П. Уманский (1987, с. 93) посчитал возможным датировать все исследованные погребения XIII–XIV вв. Наиболее конкретно это определение можно отнести к могиле-8, о чем и указал в своей публикации автор раскопок (Уманский А.П., 1987, с. 89, 91, 93, рис. 2 и 5), основываясь на анализе обнаруженного там предметного комплекса. На наш взгляд, могилы-9 и 10, в которых отсутствовал инвентарь, ближе всего к обозначенному комплексу. Об этом свидетельствует схожесть внутримогильных конструкций, а также отмеченная ориентация погребенных (Адамов А.А., 2000, с. 21–22). Особенно важным является последний показатель, на это в свое время обращал внимание Д.Г. Савинов (1994, с. 165–166). В данном контексте следует указать, что в описании базовой могилы-8 и на опубликованном плане имеется расхождение в указании ориентации погребенного человека: в первом случае говорится о северо-востоке, а во втором показано северо-западное направление (см.: Уманский А.П., 1987, с. 89 и рис. 5). Вообще на памятнике Раздумье-Iб зафиксированы две основные традиции в ориентации умерших: северная и западная (с разными отклонениями). Данные показатели характерны для развитого и позднего средневековья. Однако отсутствие инвентаря не дает возможности более точно определить время сооружения каждой из могил.

В 1976 г. памятник Раздумье-Iб обследовал В.Б. Бородаев, который зафиксировал остатки захоронения, упавшего в обрыв. Вместе с костями скелета обнаружены берестяные листы от внутримогильной погребальной камеры и железный нож. Этот объект предварительно датирован II тыс. н.э. (Памятники..., 1990, с. 47) и может быть соотнесен с указанными выше средневековыми могилами. Материалы, полученные В.Б. Бородаевым, полностью не опубликованы.

Следует указать, что А.П. Уманский (1987, с. 98) не исключал того, что на памятниках Раздумье-IV и VII имеются захоронения монгольского времени или объекты, которые датируются II тыс. н.э. (Памятники..., 1990, с. 51).

В полевом сезоне 1964 г. Алтайским археологическим отрядом Отдела гуманитарных исследований СО АН СССР под руководством Е.М. Берс было исследовано своеобразное средневековое погребение у с. Бичикту-Бом в Онгудайском районе тогдашней Горно-Алтайской автономной области Алтайского края (Берс Е.М., Худяков Ю.С., 1994, с. 63). Полученные многочисленные находки долгое время не были введены в научный оборот. Лишь в статье А.Л. Сперанского (1974) имеется краткое упоминание об обнаруженном захоронении. По сохранившимся в архиве Е.М. Берс материалам раскопок и на основании изучения коллекции предметов Ю.С. Худяковым была подготовлена статья, в которой дана развернутая характеристика комплекса, датированного 1-й половиной II тыс. н.э. и отнесенного к кругу «позднеуйгурских» памятников юга Сибири и Центральной Азии (Берс Е.М., Худяков Ю.С., 1994). Цветные фотографии обнаруженных бус опубликованы в каталоге выставки, проходившей в Корее (The Altai culture, 1995), и продублированы нами в качестве иллюстрации на цветной вклейке данной монографии*. В настоящее время погребение, изученное Е.М. Берс на Бичикту-Боме, датировано XII в. и отнесено к верх-еландинскому этапу культуры монгольскому времени Алтая (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а, с. 86; 2005б, с. 163). В связи с этим исходные результаты раскопок погребения будут представлены в третьей главе монографии, где приведены памятники и находки из Горного Алтая.

* Представленные на цветной вклейке фотоснимки в основном сделаны автором монографии, но часть приводимых изображений заимствована из нескольких изданий или выполнена другими коллегами, о чем указано в соответствующих подписях.

В 1960-е гг. в Бийский краеведческий музей (БКМ) поступили материалы интересующего нас времени*. Находки первоначально связывались с одним из бийских городищ. Позднее выяснилось, что они происходят из двух разрушенных захоронений на памятнике, получившем название АБ по обозначению жилищного микрорайона на плане застройки Бийска. Одну из этих могил в конце 1960-х гг. доисследовал Б.Х. Кадиков, который составил план погребения и зафиксировал найденный предметный комплекс рядового кочевника (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992, с. 15; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 16–18). Эти данные опубликованы лишь в 2002 г. (Тишкин А.А., 2002а) и будут продемонстрированы в следующей главе. За памятником закрепилось обозначение АБ (Бийск) (Горбунов В.В., 2003, с. 117; 2006, с. 137). Обследование территории комплекса в месте обнаружения захоронений показало наличие других сооружений, возможно, также периода развитого средневековья. Так, в 100 м северо-западнее надбереговой опоры ЛЭП в ложине, прорезающей третью надпойменную террасу, зафиксированы две земляные курганные насыпи диаметром 5–7 м, высотой до 0,5 м (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992, с. 15). Не исключено, что эти объекты связаны с предыдущими могилами. Ответ на это могут дать только археологические раскопки, хотя проведение их в парковой зоне города весьма проблематично. Чаше археологам приходится иметь дело с неполноценными материалами, полученными при исследовании разрушенных памятников. Это существенным образом затрудняет процесс восстановления облика материальной и духовной культуры средневекового населения Алтая.

В Бийском краеведческом музее также хранится коллекция №197 с предметным комплексом монгольского времени (XIII–XIV вв.). Вместе с находками в лотке лежит листок бумаги, на котором отмечено, что материалы из погребения собраны в 1969 г. Б.Х. Кадиковым, Н.Л. Членовой и А.П. Марковым на дюне у с. Камышенка, напротив с. Вяткино. Сведения о найденной могиле были кратко опубликованы Н.Л. Членовой в «Археологических открытиях 1969 года». В небольшой заметке сообщалось о том, что «...Алтайский отряд Западно-Сибирской экспедиции проводил раскопки в лесной и предгорной зонах Алтая, ... на правом берегу р. Оби, против дер. Вяткино (Усть-Пристанский р-н) обнаружен грунтовый могильник тюркской эпохи. Расчищено одно погребение с бронзовыми серьгами, железным ножом и обломками железных стремян и других предметов» (Членова Н.Л., 1970, с. 200–201). В том же 1969 г. Б.Х. Кадиков указал местонахождение открытого памятника Д.Г. Савинову (1979, с. 69–71), который раскопал там еще две могилы. На рисунке 3, представленном в статье Д.Г. Савинова (1979), отражены фотографии некоторых вещей (железные наконечники стрел, пряжка, кольцо, стремя и др.) и дана подпись: «Материал из кыпчакских могил XIII–XIV вв. на Северном Алтае (Сухие Гривы; раскопки автора, 1969 г.)». Таким образом, на грунтовом могильнике, за которым закрепилось название Сухие Гривы, в 1969 г. было найдено и исследовано три могилы монгольского времени (Тишкин А.А., 2001б).

В 1969 г. в урочище Осинки (Усть-Пристанский район Алтайского края) Н.Л. Членовой (1970) был обнаружен и частично исследован разрушавшийся могильник, о чем очень кратко сообщалось в «Археологических открытиях 1969 года». В 1970 г. под руководством Д.Г. Савинова там были произведены масштабные работы. По мнению автора раскопок, среди исследованных 76 погребений имелась компактная группа объектов, которые можно датировать монгольским временем (Савинов Д.Г., 1971а, с. 219–220). Результаты этих исследований долгое время не были опубликованы. Сведения об отдельных категориях находок или некоторые данные о погребальном обряде нашли отражение в нескольких публикациях Д.Г. Савинова (1971б, 1979,

* Скорее всего, это произошло во 2-й половине 1960-х гг.

1981, 1994 и др.). Материалы хранятся в Государственном Эрмитаже (колл. №2473) и неоднократно осматривались автором монографии. В настоящее время исследованные на памятнике Осинки погребения развитого средневековья полностью опубликованы (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008). К сожалению, при интерпретации данного материала Д.Г. Савиновым (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, с. 30–37) вообще не были учтены исследования, проведенные сотрудниками Алтайского государственного университета при изучении памятников монгольского времен в Лесостепном Алтае. В результате памятник отнесен к басандайской культуре, правда, на каком основании – не указано.

Весной 1972 г. от учительницы истории В.С. Усачевой из с. Ильинка (Шелаболихинский район Алтайского края) в тогдашний Кабинет истории и археологии Барнаульского госпединститута поступила небольшая коллекция древних предметов, собранная учащимися местной школы на песчаных выдувах нижней террасы Оби в окрестностях деревни. Преподавательница сообщила о том, что мелиораторы в зоне находок вели работы, грозившие памятнику уничтожением. На основании имевшихся сведений Управление культуры Алтайского крайисполкома приняло решение о проведении в окрестностях с. Ильинка «... ограниченных по масштабам аварийных работ». С такой просьбой руководство Алтайского отделения ВООПИК обратилось на кафедру отечественной истории Барнаульского пединститута (Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001). Район работ экспедиции, организованной под руководством А.П. Уманского (1992), представлял собой обширную луговину в пойме Оби. В древности река проходила у самого левого берега, крутого и обрывистого, высотой до 40 м. Потом она пробилла себе русло восточнее и отошла на расстояние до 3–4 км. В результате этого большой участок низменной стороны превратился в обширный луг с озерами и лягами. Некоторые песчаные дюны поросли кустарником, но многие оказались развеянными ветром. Ниже по течению Оби, близ с. Селезнево и еще далее у с. Киприно, такие дюны сохранились хорошо. Они достаточно высокие. В древности на таких местах, называемых на Алтае елбанами, селились люди, устраивались могильники и т.п. (Уманский А.П., 1992; Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001). Это зафиксировано, например, работами Новосибирской экспедиции под руководством М.П. Грязнова (1952–1954 гг.), когда отряд М.Н. Комаровой произвел сборы и первые раскопки у с. Киприно, а также разведками А.П. Уманского там же в 1959 г. и у с. Селезнево в 1972 г.

Вдоль кромки бывшего берега Оби, на развеянных и срезанных бульдозерами песчаных елбанах, обнаружены древние поселения и могильники, изученные в 1972 г. около с. Ильинка. Общая площадь обследования и проведенных аварийных изысканий составила около 4 кв. км. На этих местах А.П. Уманским прежде всего осматривались выдувы на елбанах. Сделанные при этом сборы подъемного материала оказались незначительными. Основное время экспедиции было посвящено работе на семи елбанах, на которых или рядом с ними было прошурфовано 49 участков. Материал, полученный в заложенных траншеях, оказался довольно бедным (Уманский А.П., 1992).

На первом и втором елбанах зафиксировано и исследовано пять погребений, судя по обряду и инвентарю относящихся к 1-й половине II тыс. н.э. Предварительная информация о работах археологической экспедиции Барнаульского пединститута в 1972 г. была опубликована (Уманский А.П., Караваев А.В., 1992). Материалы, полученные из раскопок, а также соответствующая документация и научный отчет (Уманский А.П., 1992) хранятся в Историко-краеведческом музее БГПУ–АлтГПА (колл. №59). Антропологические определения обнаруженных человеческих останков проводились В.А. Дремовым (ТГУ). Три ис-

следованные могилы (1, 4 и 5) вполне сопоставимы с погребениями монгольского времени. Эти материалы полностью опубликованы (Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001) и найдут отражение в данной монографии.

Курганная группа, получившая обозначение «Кармацкий», обнаружена в 1975 г. тогдашними барнаульскими студентами Н.Д. Брусником*, С.В. Цыбом и В.М. Топычкановой, которые предприняли попытку отыскать местонахождение Белоярской крепости. Но в результате ими были найдены курганы, которые располагались в бору на выделяющемся мысу надпойменной террасы правого берега Оби, неподалеку от пос. Кармацкий в Первомайском районе Алтайского края. Молодые люди попробовали самостоятельно раскопать один из погребальных объектов. Однако, по воспоминаниям участников разведки, до конца они это сделать не смогли. В том же 1975 г. В.А. Могильников, опираясь на полученные от студентов сведения, исследовал на памятнике курган с нетронутым погребением монгольского времени. Результаты обследования и полученные материалы раскопок были опубликованы лишь через 17 лет (Могильников В.А., 1992, с. 92–94). Следует обратить внимание на следующее указание в этой статье: «Кости скелета и инвентарь под мощным перекрытием из бересты сохранились очень плохо, фрагментарно» (Могильников В.А., 1992, с. 93). Примечательно, что, наряду с курганами, на Кармацком были зафиксированы остатки древнего поселенческого слоя. Помещенный В.А. Могильниковым в указанной статье глазомерный план курганной группы из 28 насыпей и девяти сомнительных возвышений лишь частично соответствует реальной ситуации. Владислав Александрович на основе краткого анализа зафиксированных элементов погребального обряда и найденных изделий датировал курган №1 XI–XII–XIII вв., отметил генетическую связь и доминирование сросткинских традиций в этот период, а также предположил, что «Кармацкий могильник... оставлен местным населением, в составе которого выражен автохтонный самодийский компонент...» (Могильников В.А., 1992, с. 94).

Во 2-й половине 1970-х гг. раскопки на рассматриваемом памятнике проводили члены археологического кружка историко-филологического факультета Алтайского государственного университета**. Полученные тогда материалы не опубликованы и судьба их нам до конца неизвестна. Отдельные данные о четырех раскопанных объектах нашли отражение в публикации С.А. Ефремова (2002), в которой рассматривался погребальный обряд населения Алтая в развитом средневековье. В архиве Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ имеются лишь описания коллекции керамики из культурного слоя поселения, найденной во время вскрытия курганов. По воспоминаниям члена кружка А.Б. Шамшина, на Кармацком было раскопано несколько могил («одна из них детская или подростковая с бусиной»), в которых были обнаружены предметы из кости, железное тесло и другие находки. Судя по данным кабинета антропологии ТГУ, там хранятся два черепа из Кармацкого. Один, детский, происходит из объекта №2, а другой, мужской (?), – из кургана №3. Отмечено, что они получены в ходе раскопок В.А. Могильникова и А.С. Шемякиной в 1975 г. (Краниологические коллекции..., 1979, с. 40). Эти материалы использовались антропологами в ходе специальных исследований (Поздняков Д.В., 2006, с. 13).

* Н.Д. Брусник был старостой археологического кружка, действующего под руководством А.П. Уманского в Барнаульском государственном педагогическом институте. С.В. Цыб и В.М. Топычканова тогда учились на историко-филологическом факультете Алтайского государственного университета.

** Руководителем кружка, созданного по инициативе А.П. Уманского, являлась преподавательница университета Алла Степановна Шемякина, а первыми старостами были сначала В.Н. Владимиров, а затем – С.В. Неверов. Из студентов, занимавшихся в кружке, вышел целый ряд известных исследователей (С.В. Цыб, А.Л. Кунгуров, А.Б. Шамшин, М.Т. Абдулганеев, Н.Ф. Степанова, В.Б. Бородаев и др.).

В последующие десятилетия на Кармацком неоднократно бывали археологи, но планов и описаний этого крупного могильника никто не сделал (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 22–24). Особое внимание к памятнику проявлял В.Б. Бородаев, который активно интересовался и другими объектами Алтая монгольского времени.

В 1981 г. на хорошо известном археологическом комплексе Ближние Елбаны побывала группа археологов Алтайского госуниверситета под руководством Ю.Ф. Кирюшина. Основной целью его посещения являлось обследование уже известных археологических памятников и выявление новых объектов. Кроме этого, предполагалось провести сборы подъемного материала на разрушавшихся участках.

Опираясь на записи из полевого дневника и воспоминания участника экспедиции А.Л. Кунгурова*, можно кратко изложить историю данной поездки. В группу, кроме водителя ГАЗ-66 и руководителя Ю.Ф. Кирюшина, входили В. Владимиров, Л. Шерстова, Г. Масленникова, В. Газенкамф и А. Кунгуров. Из Барнаула выехали 28 мая и добирались до с. Чаузово целый день. На месте оказалось, что р. Большая Речка изменила русло, отрезав проход на Ближние Елбаны. На следующий день пришлось переправляться вброд. Первым у раздува дюны, где М.П. Грязновым (1956) был отмечен и исследовался памятник БЕ-VI, оказался А. Кунгуров, который обнаружил разрушенную могилу (см. фото 3 на цветной вклейке)**. Для ее зачистки пришлось отправиться назад за лопатами и мелким инструментом. Процесс исследования средневекового погребения составил почти пять часов (см. фото 4 на цветной вклейке). Когда А. Кунгуров приступил к расчистке, то обнаружил, что дно могилы устлано берестой и войлоком. Находок оказалось много, и все они в основном были из железа: удила, наконечники стрел, кольца, пряжка и др. Под завернувшейся берестой в районе левой руки погребенного человека оказалась кожаная сумочка с бронзовыми створками (см. фото 5 на цветной вклейке). Ее на месте не разбирали, а взяли монолитом. Учитывая предыдущую нумерацию М.П. Грязнова, обнаруженной могиле присвоили порядковый номер «7».

В августе и сентябре того же года работы на БЕ продолжил В.Б. Бородаев. Он сделал план памятника, а также нашел стремена и остатки древесины неподалеку от предыдущего погребения. Таким образом, в пункте БЕ-VI была зафиксирована еще и могила монгольского времени, получившая номер «8». Эти исследованные захоронения дали интересный материал для слабо изученного периода средневековья. Публикация их состоялась в 2000 г. (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000). Следует отметить, что осенью 1981 г. В.Б. Бородаевым в разных местах урочища Ближние Елбаны были произведены небольшие раскопки. В результате выявлено одно безынвентарное захоронение, а также обнаружены другие материалы разных периодов древней и средневековой истории. Однако какие-либо сведения об этом нигде не опубликованы. Например, нам известен графический план с обозначенной датой работ – 28 сентября 1981 г. На нем дан чертеж разрушенной могилы на памятнике Ближние Елбаны-VII, в которой был обнаружен горшок андроновской культуры.

В июне 1981 г. при проведении строительных работ у с. Усть-Алейка Калманского района Алтайского края обнаружена могила, в которой находилось «богатое женское погребение». Собранные тогда вещи были переданы в Алтайский краевой краеведческий музей (ныне – Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ), Барнаул), где они и

* Автор благодарен Артуру Леонидовичу Кунгурову за предоставленную информацию и за переданные исходные материалы полевой документации.

** Эта и две следующие черно-белые фотографии сделаны с фото пленки А.Л. Кунгурова и публикуются впервые.

сейчас хранятся в коллекции №14483. Вместе с предметами находилась записка следующего содержания: «с. Усть-Алейка, 300 м от старого (пересохшего) русла Алая. Курган, высота ≈ 1 м. Женское захоронение, лежала на боку (?). Гроб деревянный, внутри обложен берестой. Найдено рабочими при строительстве цеха по производству гранул (из) трав, муки, середина июня 1981 г.».

Обнаруженное захоронение привлекло внимание археологов Алтайского госуниверситета. В августе 1981 г. по «горячим следам» место по сути дела разрушенной могилы обследовал В.Б. Бородаев. Им же были выяснены подробные обстоятельства выявления памятника, получившего обозначение Усть-Алейка-5. Собранные тогда сведения кратко и в популярной форме нашли отражение в газетной публикации (Алтайская правда. 1982. 18 июня), подготовленной В.Б. Бородаевым, тогдашним сотрудником Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая АлтГУ. Для представления более четкой картины произошедших событий следует продублировать некоторые данные, приводимые в статье, которая называлась «Усть-алейские находки»: «...Копая яму под столб, экскаваторщик совхоза «Ягодный» П.Д. Кириченко задел древнее захоронение. Машинист агрегата витаминной муки В.С. Храпов, остановив дальнейшие работы, сообщил о находке местным краоведам – учителям Усть-Алейской средней школы Д.Т. Юртайкину и С.В. Головину, которые тщательно собрали остатки предметов, положенных в могилу вместе с умершей... Все эти вещи были сданы учительницей истории Усть-Алейской школы Н.П. Частухиной в Алтайский краеведческий музей». В той же газетной публикации был указан перечень находок и представлены фотографии двух из них: «...уникальное украшение головного убора из двух тонких серебряных пластинок с тисненым орнаментом» и украшенный вышивкой обрывок одежды «...из узорчатой шелковой ткани». Основываясь на комплексе рассмотренных предметов, В.Б. Бородаев датировал разрушенное погребение из Усть-Алейки-5 XIII–XIV вв., сопоставил его с захоронениями половцев и предпринял попытку анализа вышивки на уцелевшем фрагменте ткани. В заключение цитируемой газетной статьи указывалось на «...большую научную ценность усть-алейского могильника» и на то, что «...планируется продолжить его раскопки летом 1982 года» (Бородаев В.Б., 1982). И действительно такие исследования на памятнике В.Б. Бородаевым производились, однако результаты их на протяжении многих лет остаются неизвестными.

В 1994 г. при проведении картографирования археологических объектов Калманского района Алтайского края место нахождения интересующего нас комплекса обследовано В.В. Горбуновым (результаты этой работы находятся в НИИЦ «Наследие» и в архиве Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ).

Сообщенные в газете сведения о памятнике Усть-Алейка-5 и размещение одной из находок в экспозиции АГКМа (стенд «Изделия монгольского времени»: 7. Металлическое украшение головного убора. Могильник Усть-Алейка, Калманский район; см. фото 27 на цветной вклейке) были учтены при подготовке пособий по истории Алтая для учащихся и учителей общеобразовательных школ (Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф., Шамшин А.Б., 1997а, с. 149–150; 1997б, рис. 88.–16).

Обнаруженное захоронение и вещи из Усть-Алейки представляли особый интерес, так как они относились к слабо изученному тогда монгольскому времени. Однако на протяжении двух десятков лет эти материалы должным образом не были введены в научный оборот. Лишь в 2001 г. имевшиеся у автора монографии данные различного характера опубликованы в статье, задача которой заключалась в том, чтобы представить находки в соот-

ветствующем объеме и привлечь внимание ученых для решения целого ряда актуальных проблем средневековой археологии (Тишкин А.А., 2001в). Позднее одному из изделий была посвящена отдельная публикация (Тишкин А.А., 2007в).

Погребения монгольского времени еще зафиксированы прямо в центральной части с. Усть-Алейка, около клуба. В начале 1980-х годов при строительстве стадиона часть захоронений оказалась скрыта в ходе планирования площадки. На место разрушения памятника выезжал В.Б. Бородаев, который выявил и раскопал сохранившуюся могилу. Эти сведения он кратко опубликовал (Бородаев В.Б., 1987, с. 46–49), предположив, что памятник относится не к XIII–XIV вв., как датируются наконечники стрел, а «...к несколько более позднему времени, которое на Северном Алтае практически не изучено». Дальнейшие работы в с. Усть-Алейка были продолжены А.Л. Кунгуровым. Результаты исследования в 1987 г. аварийных объектов и полученные материалы почти полностью введены в научный оборот (Кунгуров А.А., 1991). Зафиксированный грунтовый могильник XIII–XIV вв. в отчете А.Л. Кунгурова (1988, с. 19) получил обозначение «Усть-Алейка, клуб».

В контексте изложения материалов необходимо остановиться на одной обобщающей работе, которая была опубликована в 1981 г. В ней представлены характеристики памятников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. (Могильников В.А., 1981). Несмотря на то, что материалы с Алтая рассмотрены в рамках источников, приведенных в свое время еще А.А. Гавриловой (1965), В.А. Могильникову на основе привлеченного широкого круга данных удалось обозначить ряд важных моментов. Во-первых, отмечено то, что памятники XIII–XIV вв. на достаточно обширной территории «...имеют ряд общих элементов культуры, особенно в области вещевого инвентаря, большое единообразие которого ...обусловлено монгольскими завоеваниями...». Во-вторых, указано на имевшуюся специфику погребального обряда у населения разных районов, отражавшую отличия этнических групп. Кроме этого, В.А. Могильников отдельно остановился на термине «памятники часовенногорского типа», введенном А.А. Гавриловой (1965), определив это понятие условным и равнозначным словосочетанию «памятники монгольского времени», так как на территории Саяно-Алтая погребальные объекты принадлежали «...различным этническим группам с местным локальным своеобразием культуры» (Могильников В.А., 1981, с. 194). О том, что термин «часовенногорский тип» могил «не вполне удачен», позже указал и Д.Г. Савинов (1994, с. 165–166), который в общем-то подтвердил и другие представленные здесь выкладки В.А. Могильникова, отметив при этом, что с XIII в. ориентация погребенных «...является важным хронологическим и культурно-дифференцирующим признаком».

Интерес к уже указанному выше памятнику Сухие Гривы проявил бывший сотрудник АлтГУ В.Б. Бородаев, усилиями которого, по мнению С.А. Ефремова (1998а, с. 119), грунтовый могильник был полностью изучен в 1982 г. Однако результаты этих исследований до сих пор не опубликованы. Я.В. Фролов (1999, с. 14–15) написал, что В.Б. Бородаев вместе с Б.Х. Кадиковым и П.И. Шульгой в 1982 г. вскрыли только одно погребение. Для прояснения ситуации мы обратились к одному из участников этих работ. На основании дневниковых записей из личного архива П.И. Шульги* были получены сведения следующего характера. 14 августа 1982 г. отряд под руководством В.Б. Бородаева на машине отправился в Бийск, где к ним присоединились Б.Х. Кадиков и сотрудница БКМа. Дальнейшее движение осуществлялось по левобережью Оби. Переправившись через Чарыш, они добрались до

* Автор благодарен Петру Ивановичу Шульге за возможность включения в монографию этой важной информации.

с. Вяткино Усть-Пристанского района Алтайского края, где паром доставил автомобиль на правый берег в 2–3 км вверх по течению. Свернув на старую дорогу, участники экспедиции проехали в сторону с. Клепиково примерно 5 км и разбили лагерь в месте, где раньше побывали Б.Х. Кадилов, Н.Л. Членова, А.П. Марков и проводил раскопки Д.Г. Савинов. Урочище называется Сухие Гривки, потому что весной имеющиеся там дюны не закрываются прибывшей водой. На них и рядом много зарослей облепихи, а к западу находится Обь и болотистая местность. Дюны оказались задернованными, но имели большие выдувы. Как раз на одной из песчаных возвышенностей и был обнаружен могильник монгольского времени. Там на поверхности участники экспедиции 1982 г. нашли куски шлака, а П.И. Шульга поднял часть кольца, возможно, от железных удил (?). При подчистке стенки выдува обнажилась могила. Погребение зачистили 15 августа. Человеческий скелет оказался хорошей сохранности. Умерший лежал вытянуто на спине, кисти рук располагались в районе тазовых костей, где рядом был найден железный нож длиной 10 см в деревянных ножнах, от которых сохранился лишь тлен. Погребенный, вероятно подросток, был ориентирован головой на северо-запад или, скорее всего, на запад–северо-запад. По данным П.И. Шульги, длина костяка составляла 160 см. У могилы, по-видимому, имелись плечики, а с северной стороны, возможно, и подбой. В других местах урочища были найдены фрагменты сосудов и бронзовый наконечник стрелы раннего железного века. В дневнике П.И. Шульги отмечено, что севернее могилы-4 «...кажется, есть еще одна». Однако исследование ее тогда не предпринималось. 16 августа участники экспедиции поехали обратно, но уже по правобережью Оби с заездом в Бийск, куда доставили сотрудников музея.

Следует указать, что место расположения могильника, получившего обозначение «Сухие Гривы», во всех известных нам случаях точно не указано. Повторяющиеся данные весьма приблизительны. По ним в условиях пойменной местности сложно ориентироваться. Небольшое дополнение в приводимые ранее описания сделал Я.В. Фролов (1999, с. 14), уточнив, что памятник располагается «...на правом берегу р. Оби напротив (к востоку) от с. Вяткино на раздуваемой дюне...». Им же проводилась картография археологических объектов Усть-Пристанского района, составлена сводка и представлена схема расположения памятников, на которой под №61 обозначен грунтовый могильник Сухие Гривы (Фролов Я.В., 1999, рис. 1.-61). Сведения, полученные от П.И. Шульги и приведенные выше, конкретизируют имеющиеся данные о местонахождении памятника монгольского времени.

В декабре 1982 г. в Горно-Алтайский краеведческий музей поступило сообщение от председателя Еловского сельского совета Н.В. Яманова о том, что рабочими совхоза в урочище Тожан* было обнаружено погребение человека. На место находки в Онгудайский район Горно-Алтайской автономной области выезжал В.А. Кочеев (1983), который подробно опубликовал полученные результаты изучения скального захоронения и предварительно датировал его «широким временем» – 2-й половиной II тыс. н.э. В настоящее время памятник, получивший обозначение «Тожон», включен в круг объектов монгольского времени Горного Алтая (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005б, с. 163; Тишкин А.А., 2007а, с. 231, 288). Данное определение подтверждается анализом обнаруженного комплекса предметов вооружения (Горбунов В.В., 2006, с. 124), позволяющим предположить время обнаружен-

* Именно так в публикации В.А. Кочеева (1983, с. 153) указано урочище, где найдено интересующее нас погребение. В «Топонимическом словаре Горного Алтая» дается другое написание данного обозначения – Тожон (Тожин, Тошон), которое переводится как гололедица, наледь, ледник на горе и т.п. (Молчанова О.Т., 1978, с. 310).

ного погребения XIII–XIV вв. На это косвенно указывал и автор статьи (Кочеев В.А., 1983, с. 155), но, по всей видимости, его смутила довольно хорошая сохранность находок.

В начале 1980-х г. было начато исследование Денисовой пещеры, которая находится в Солонешенском районе Алтайского края. В ней к монгольскому времени отнесен слой 3, где обнаружен клад железных изделий, некоторые другие предметы и кости животных (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 11, 99–100, рис. 12–13). Полученные находки дополняют характеристику культуры монгольского времени Горного Алтая.

В 1980-е гг. при строительстве автодороги в Тальменском районе Алтайского края был разрушен курган предположительно монгольского времени. Обследовать место находки выезжал В.Б. Бородаев. Результаты исследований полностью не опубликованы. Некоторые упоминания отмечены в статьях С.А. Ефремова (1998а, с. 121; 1998б, табл. 1–2; 2002, с. 104, 108), из которых можно узнать, что на могильнике Кашкарагаиха изучен курган №1 с зафиксированными чертами кыпчакского влияния (отдельное захоронение черепа коня, железные удила, характерные особенности погребального обряда). Однако эти отрывочные сведения не позволяют включить их в сравнительный анализ имеющихся данных по монгольскому периоду.

В 1986 г. в ходе раскопок разновременных памятников в зоне строительства автодороги Усть-Сема–Еланда у с. Элекманар был исследован курган №17, который входил в состав памятника Элекманар-II. По мнению авторов раскопок, объект относится к типу ритуальных или поминальных. На уровне погребенной поверхности обнаружены железные удила с большими свободно вращающимися кольцами-трэнзелями и железный трехперый килевидный наконечник стрелы (Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990). Указанный курган на основе обнаруженных предметов датируется XII в. и отнесен к верх-еландинскому этапу культуры монгольского времени (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а, с. 86; Горбунов В.В., 2006, с. 124).

В 1988 г. Алтайской археологической экспедицией Алтайского государственного университета исследовался курганный могильник Верх-Еланда-I. Памятник был открыт в 1983 г. М.Т. Абдулганеевым (Степанова Н.Ф., Соенов В.И., 2009, с. 29) и находился у с. Еланда (ныне Чемальский район Республики Алтай). В результате проведенных работ все пять объектов изучены (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990). Средневековые погребения в курганах №1 и 5 датируются XII в. По названию памятника определено обозначение верх-еландинского этапа культуры Алтая монгольского времени (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а, с. 86; 2005б, с. 163). В двух указанных объектах найдены железные наконечники стрел различных типов, ножи, фрагменты берестяного колчана, железные удила, стремяна, пряжка, тройник, к которому при помощи кольца крепились две обоймы (распределители ремней) (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990). Обнаруженные предметы вооружения дополнительно изучались В.В. Горбуновым (2006, с. 123).

В 1990 г. на юге Горного Алтая, в Кош-Агачском районе, Институтом археологии и этнографии СО АН СССР стали осуществляться археологические исследования. Первые раскопки провела экспедиция под руководством Н.В. Полосьмак (Молодин В.И. и др., 2004, с. 3). При разборке каменной насыпи пазырыкского кургана №1 на памятнике Ак-Алаха-1 в центре обнаружено впускное погребение эпохи средневековья, которое по комплексу вещей датируется XIV в. н.э. (Полосьмак Н.В., 1994а, с. 19, рис. 11).

С 1991 по 1995 г. в рамках выполнения международной исследовательской программы «Пазырык» на плоскогорье Укок работали два археологических отряда Института археологии и этнографии СО РАН под руководством Н.В. Полосьмак и В.И. Молодина. Этот масштабный проект носил междисциплинарный характер и решал целый ряд фундамен-

тальных задач. В результате была обследована значительная часть плато Укок и задокументировано 406 археологических памятников (Молодин В.И. и др., 2004). Кроме этого, при проведении раскопок получены существенные материалы, характеризующие разные исторические эпохи. Они отражены в нескольких монографиях и в большом количестве статей (обзор литературы и список отчетов о полевых работах см.: Молодин В.И. и др., 2004, с. 241–253). Исследования, проведенные на высоком уровне, позволили серьезным образом продвинуться в решении многих вопросов древней истории и обозначить новые проблемы. К сожалению, специальная культурно-хронологическая систематизация всех материалов не была проведена. «Периодизация древних культур плоскогорья Укок», представленная в виде таблицы, отражает лишь схему общего плана (Молодин В.И. и др., 2004, с. 223, рис. 380), в которой в рамках эпохи средневековья указано монгольское время (XII–XIV вв. н.э.).

К интересующему нас периоду относится объект Бертек-20. Он располагался в 60 м к западу от памятника Бертек-17 и в 145 м к западу от насыпи кургана №4 могильника Бертек-10 у подножия третьего террасовидного уровня левого берега Ак-Алахи (Молодин В.И. и др., 2004, с. 132–133). Погребение было исследовано в 1991 г. и отнесено к эпохе средневековья (Древние культуры..., 1994). Материалы полностью опубликованы (Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994а–б). Они хорошо согласуются с результатами раскопок на памятнике Усть-Бийке-III и позволяют отнести курган Бертек-20 к культуре Горного Алтая монгольского времени (Тишкин А.А., 2005а; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005б, с. 146–153, 163).

В 1991 г. А.П. Уманский (1991, с. 132–133, 137, рис. 2 и 3) опубликовал информацию о хорошо сохранившейся сабле, найденной в 1959 г. при вспашке огорода в с. Кабаково Алейского района Алтайского края. Данный предмет вооружения был передан в Алтайский краевой краеведческий музей (ныне – АГКМ). Обнаруженное изделие А.П. Уманский (1991; 1994) подробно описал. Исследователь пришел к выводу, что на территорию Алейской степи продукция китайских оружейников попала в начале IX в. или в период кыргызского господства в рамках 840–924 гг. Однако данная интерпретация была подкорректирована. Осуществленный В.В. Горбуновым анализ показал, что наиболее вероятным периодом использования сабли нужно считать монгольское время. Данная информация сначала была кратко опубликована (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998б), а затем состоялось и более предметное обоснование (Горбунов В.В., 2006).

Весной 1993 г. экспедицией Алтайского государственного университета осуществлялись работы в зоне строительства автодороги между селами Елунино–Черемно–Подгорное (Павловский район Алтайского края). На памятнике Телеутский Взвоз-I был раскопан курган №1, сведения о котором частично опубликованы в статье А.А. Казакова (1995). Обозначенная в ней предварительная культурно-хронологическая характеристика потребовала пересмотра (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 34–35). В 1994 г. на памятнике исследовался объект №2. Дальнейшие раскопки курганов, датированных монгольским временем, были продолжены в 1996–1998 гг. Результаты работ сначала представлялись в краткой форме (Казаков А.А., Тишкин А.А., 1997; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 1998; Казаков А.А., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2000; и др.), а затем состоялось издание монографии (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002), где наряду с подробным анализом археологических материалов охарактеризован антропологический тип населения Лесостепного Алтая монгольского времени (Поздняков Д.В., 2002).

В 1993 г. в музей с. Советское поступила весловидная костяная накладка от средневекового лука. Она была найдена при разработке глиняного карьера у пос. Рубцовский в Со-

ветском районе Алтайского края. В том же году обнаруженный археологический памятник обследовали М.Т. Абдулганеев и местный краевед П.А. Пименов. Ими при осмотре карьера были зафиксированы остатки двух средневековых захоронений. Кроме этого, найдены кости, железное тесло, обломки железных удил (?), отмечено применение дерева и бересты для погребальных конструкций, установлены глубина ям и их ориентация. Полученные результаты кратко опубликованы. Обнаруженные могилы датированы монгольским временем на основании анализа полученных находок (Абдулганеев М.Т., 1998, с. 172–174, рис. 1.-1, 4). За разновременным могильником закрепилось название «Рубцовский».

В 1993 г. Улаганским отрядом Центра археологических исследований Республики Алтай проводились раскопки на памятнике Межелик, который находится на левом берегу р. Башкаус, в 3,5 км к западу от с. Улаган, к югу от дороги в с. Акташ (Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С., 1996). Памятник, состоявший из 26 разновременных объектов, расположен на плоской вершине холма Межелик. Из семи раскопанных курганов один отнесен к монгольскому времени, исходя из конструкции и ориентации обнаруженной в могиле деревянной колоде, а также по находкам железного ножа и кости овцы. К сожалению, погребение взрослого человека оказалось нарушено грабителями.

В полевом сезоне 1994 г. Восточно-алтайский отряд Института археологии и этнографии СО РАН исследовал могильник Талдуаир-1, находящийся в контактной зоне Горного Алтая с Тувой и Монголией (Кубарев Г.В., 1995, с. 164). При раскопках кургана тюркской культуры обнаружено впускное погребение, которое относится к более позднему периоду, вероятнее всего, к монгольскому времени (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а, с. 86).

В 1995 г. опубликована статья С.П. Нестерова и К.И. Милютина, в которой были представлены результаты обследований и раскопок в районе урочища Кудыргэ, на правом берегу Чульшмана, неподалеку от с. Балыкча (Улаганский район Республики Алтай). Осмотр хорошо известного археологического комплекса Кудыргэ показал, что «...отмеченные А.А. Гавриловой объекты не всегда отражают реальную картину». В ходе проведенных тщательных обследований количество объектов оказалось существенно больше, чем их было раньше зафиксировано. На могильнике исследованы средневековые погребения. Из них курган №76 датирован XIII–XIV вв., так как он ни по конструкции, ни по обряду, ни по инвентарю не отличался от уже исследованных на Кудыргэ захоронений «часовенногорского типа» (Нестеров С.П., Милютин К.И., 1995, с. 164–164, рис. 10–11). Анализ обнаруженных наконечников стрел позволил В.В. Горбунову (2006, с. 36, 42, 123) уточнить время сооружения этого комплекса и определить его XII в. Не исключено, что к этому же времени относится и курган №74, в котором обнаружено захоронение лошади (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а, с. 86).

Летом 1997 г. при осмотре поселения Островное-III (Мамонтовский район Алтайского края), расположенного на высокой дюне в пойме оз. Большое Островное, Г.Е. Ивановым (1999; 2000, с. 55, рис. 21.-1–4) найдено разрушавшееся женское погребение, которое по зафиксированным в могиле вещам датировано монгольским временем. Следует указать, что в Мамонтовском районе имеются и другие необходимые для рассматриваемой темы свидетельства. Они зафиксированы на памятнике Крестьянское-III или представляют собой случайные находки (Иванов Г.Е., 2000).

В 1997 г. Бийкенским археологическим отрядом Алтайского государственного университета под руководством автора монографии исследовался памятник Усть-Бийке-III (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 1999а–б), который находится в Чемальском районе Республики Алтай, в 6,5 км на юго-восток от с. Еланда, в долине р. Бийке (правый приток Катуни). Ма-

териалы раскопок полностью и подробно опубликованы (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005б). Курганы №1, 2, 3 и 7 датированы XIII–XIV вв. и отнесены к выделенному усть-бийкенскому этапу культуры Горного Алтая монгольского времени (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а, с. 86; 2005б, с. 163). Указанные объекты создали возможность для разработки методики дальнейшего поиска подобных погребальных памятников (Тишкин А.А., 1998). Такая работа была проведена в разных районах Горного Алтая, но осуществить необходимые исследования не удалось из-за обострившегося негативного отношения местных жителей к археологическим раскопкам. Сведения, полученные на памятнике Усть-Бийке-III, способствовали реконструкции некоторых сторон жизни и деятельности кочевых племен монгольского времени. Для интерпретации полученных данных и дальнейшего сравнительного анализа были привлечены археологические, письменные и этнографические материалы (Тишкин А.А., 2005а; 2007а).

В 1998 г. в материалах сборника международной конференции «Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе» (Санкт-Петербург) была опубликована небольшая статья, в которой представлена иллюстрированная сводка (рис. 4) обнаруженных в Лесостепном Алтае предметов монгольского времени, относящихся к защитному доспеху, наступательному оружию и военному снаряжению (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998б). Впервые в научный оборот вводился ряд ранее неизвестных изделий. Более подробные сведения о них изложены позднее в других изданиях (Горбунов В.В., Исупов С.Ю., 2002; Тишкин А.А., 2002а; Горбунов В.В., 2006; и др.). К обозначенной теме указанные авторы вернулись через 10 лет, охарактеризовав комплекс вооружения кармацкой культуры уже на новом исследовательском уровне (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2009).

В 1998 г. Чарышская археологическая экспедиция Алтайского госуниверситета под руководством В.П. Семибрата проводила исследования на памятнике Коловый Мыс-III. Результаты раскопок изложены в статье, где кратко представлен ход работ и приведены обобщенные данные о выявленных культурно-хронологических комплексах (Семибратов В.П., Казаков А.А., Папин Д.В., 2004). Средневековые объекты и находки изучались дополнительно и опубликованы с уточнениями (Семибратов В.П., Тишкин А.А., 2005). Это важно для объективной атрибуции зафиксированного комплекса и дальнейшей исследовательской работы. Имеющийся в наличии средневековый материал изучаемого памятника свидетельствует об использовании территории мыса населением Лесостепного Алтая в предмонгольское и монгольское время.

В конце 1990-х гг. к уже указанному выше памятнику Кармацкий проявили интерес сотрудники Алтайского государственного университета. Для планирования археологических раскопок его посещали М.Т. Абдулганеев, А.А. Казаков и др. В 1999 г. и в последующие годы автором монографии систематически проводились обследование и изучение памятника. Главная задача такой работы заключалась в получении объективных сведений о состоянии памятника, выявлении и описании всех визуально фиксируемых объектов, а также снятии достоверного плана памятника. В результате обнаружено более 70 курганных насыпей, среди которых несколько объектов уже были ранее полностью раскопаны, а на 19 имелись западины, свидетельствовавшие об ограблении захоронений. На территории мыса несколько лет располагалась выездная пасека. Во время одного из осмотров курганной группы пасечник рассказал о том, что им при рытье ямы на небольшой глубине были обнаружены и затем там же закопаны человеческие кости плохой сохранности, среди которых выделялся фрагмент черепной коробки.

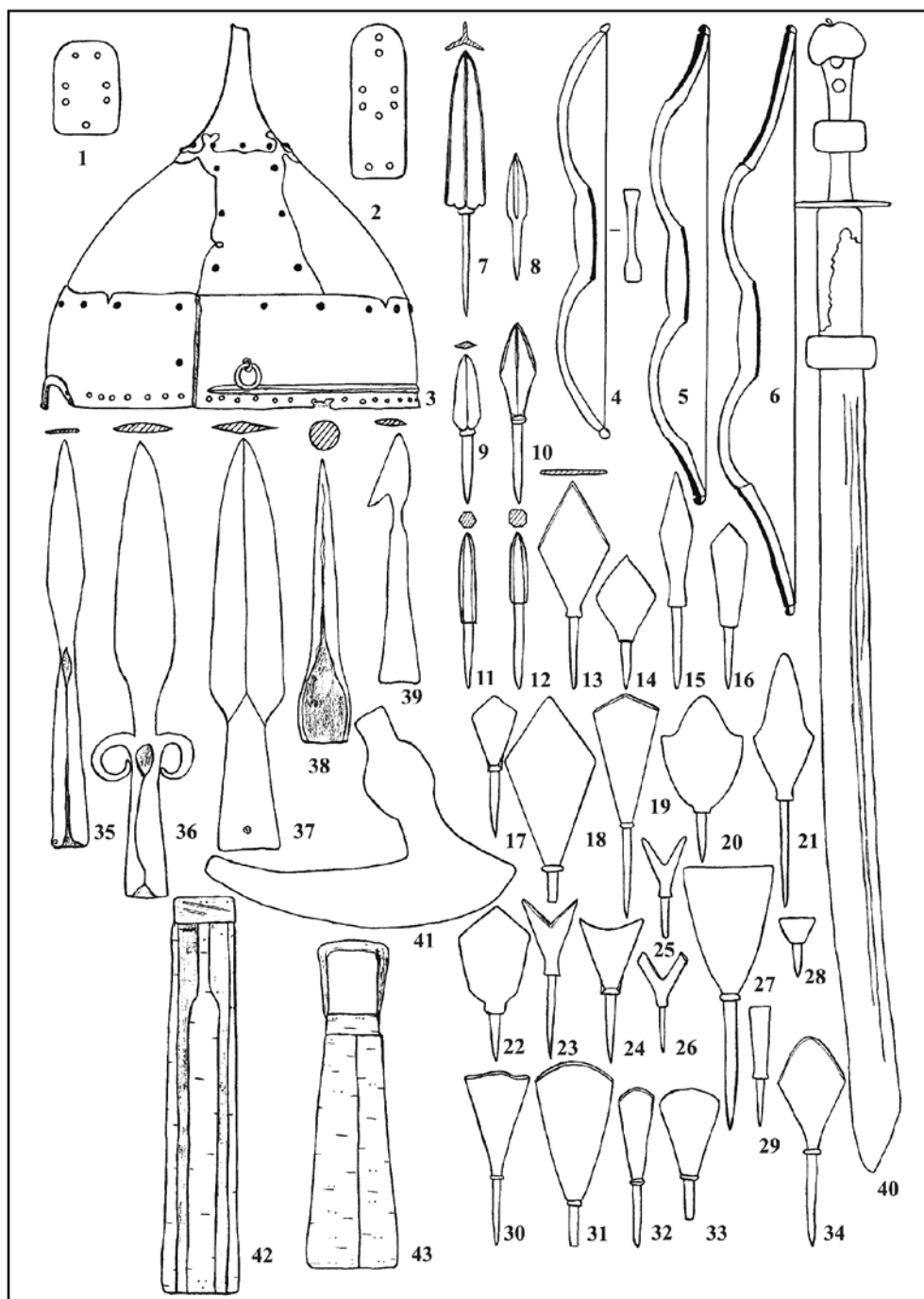

Рис. 4. Комплекс вооружения XIII–XIV вв. по материалам находок в Лесостепном Алтае (по: Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998б, с. 265)

С 2001 г. на археологическом комплексе Кармацкий стали проводиться изыскания, направленные на проведение необходимых раскопок (Тишкин А.А., 2002). Дело в том, что с этого времени усугубилось аварийное состояние комплекса. По территории памятника лесники стали регулярно прокладывать противопожарные рвы, предотвращая реальную опасность уничтожения огнем кромки бора. Осуществлялись и другие антропогенные и природные воздействия негативного характера. Данные обстоятельства определили проведение систематических исследований, которые начались с тщательного описания каждого объекта и получения достоверного плана в масштабе 1:2 м. Из зафиксированных курганов четыре оказались полностью раскопанными (№1, 3, 4, 5), а на одном (№6) был хорошо виден более «свежий» прямоуголь-

ный шурф. Более 14 объектов находились в аварийном состоянии по следующим причинам: обрушивание береговой кромки и сооружение глубоких противопожарных рвов как по краю террасы, так и в других местах. Кроме этого, еще через ряд объектов проходили действующие летом полевые дороги. Одним из разрушающих памятник факторов являлось произрастание деревьев, которые, находясь на самих курганах и в непосредственной близости с ними, мощными корнями проникали в погребения. Реально таких объектов отмечено более десятка. Как уже было отмечено В.А. Могильниковым (1975), сохранность археологического материала, полученного при раскопках, очень плохая. Это связано с тем, что могилы сооружены в песчаном грунте и располагаются неглубоко от современной поверхности. Данный фактор также оказывал негативное влияние на погребальный комплекс, усугубляя его аварийность.

Общая площадь памятника Кармацкий составляет около 7000 кв.м. Высота террасы, на которой располагаются объекты, – около 20 м. После проведения обследований были сделаны следующие выводы, зафиксированные в научном отчете (Тишкин А.А., 2002):

1. Кармацкий – это один из самых крупных погребальных комплексов монгольского времени в Алтайском Приобье. Исследования на нем позволяют существенным образом решить имеющиеся проблемы при изучении культуры населения развитого и, возможно, позднего средневековья. Материалы раскопок закроют «белые пятна» в этнокультурной истории Лесостепного Алтая и дадут возможность решать проблемы этногенеза ряда современных народов Сибири. В связи с этим исследования памятника Кармацкий перспективны для исторической науки в целом.

2. Обследованный памятник представляет собой не только группу курганов монгольского времени. На его территории зафиксирован поселенческий слой эпохи бронзы и раннего железа. Кроме этого, не исключено обнаружение археологических объектов других периодов и категорий. При их комплексном исследовании будет представлен культурно-хронологический срез в истории освоения Верхнего Приобья.

3. Памятник федерального значения Кармацкий является аварийным. Одна часть объектов разрушена противопожарными рвами и произрастаемыми деревьями, другая пострадала в ходе обрушивания береговой кромки и при использовании территории мыса в хозяйственных и дорожных целях. Кроме этого, песчаный грунт не способствует сохранению археологических материалов, которые очень важны для науки. Лишь своевременные раскопки позволят изучить оставшуюся ценную информацию.

4. Для сохранения внешнего облика курганного могильника с целью частичной музеефикации следует после завершения раскопок восстанавливать должным образом каждую земляную насыпь. Для этого перед раскопками необходимо тщательно производить обмеры курганов. Работы по восстановлению курганных насыпей стоит проделать и с уже раскопанными объектами, после их полного доисследования.

В мае 2002 г. на памятник выезжала экспертная группа, состоявшая из представителей НПЦ «Наследие», Алтайского государственного университета и лесного хозяйства, на территории которого располагается разновременный археологический комплекс. В результате были зафиксированы разрушения объектов, а также предусмотрены зоны исследований для создания возможности регулярной прокладки противопожарных рвов, что необходимо при проведении противопожарных мероприятий. Дело в том, что именно выступающий мыс является участком, через который пожар из поймы Оби перекидывается в ценный бор. Результатом всех работ стало составление акта о состоянии памятника, а также представление рекомендаций по использованию территории памятника федерального значения при про-

ведении лесниками противопожарных мер. Кроме того, была обозначена необходимость организации раскопок в наиболее аварийных зонах, согласно составленному акту.

После экспертного обследования территория, на которой располагается курганная группа, фиксировалась с помощью электронного тахеометра ТА-3М в масштабе 1:500 и с высотой сечения рельефа 1 м. Для выполнения данной работы приглашался инженер-геодезист Барнаульской оползневой станции А.О. Карьков. По материалам тахеометрической съемки был составлен топографический чертеж. На нем штрих-пунктиром отмечены аварийные участки памятника, исследования которых рекомендовались представителями выездной комиссии в первую очередь.

В результате работ, проведенных на памятнике Кармацкий, полностью изучено два средневековых кургана (№8 и 9), в раскопы которых попали 11 разновременных могил и остатки культурного слоя поселения (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002б; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Дашковский П.К., 2003, с. 417–418). Полученные данные свидетельствовали о наличии нескольких археологических объектов (курганная группа, грунтовые могильники, поселение, культовые объекты), которые относятся к разным историческим периодам и культурам (от эпохи бронзы до развитого средневековья).

В 2003 г. сплошным раскопом исследовались еще два кургана (№69 и 70). В ходе работ были зафиксированы и изучены три могилы (Тишкин А.А., Горбунов, Дашковский П.К., 2004, с. 481). Полученные сведения нашли отражение в научном отчете (Тишкин А.А., 2005) и будут представлены в развернутом виде во второй главе монографии.

Осенью 2005 г. экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством А.Л. Кунгурова проводились плановые археологические исследования в Первомайском районе Алтайского края. В ходе работ продолжены раскопки аварийного участка на памятнике Кармацкий. Вскрытый курган №71 и прилегавшие к нему квадраты поверхности комплекса составили площадь около 100 кв.м. (Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2006). После этого, в связи с отсутствием финансирования, работы на Кармацком были прерваны. Осенью 2009 г. осмотр памятника показал, что за прошедшее время его аварийность усугубилась. Бесконтрольное прокладывание противопожарных рвов в разных местах мыса, начавшаяся вырубка леса и вновь проложенные дороги искорежили некогда нетронутые объекты. Данное обстоятельство остро обозначило проблему сохранения археологического комплекса и дальнейшее проведение аварийных исследований.

В конце 1990-х и в начале 2000-х гг. автором монографии опубликовано несколько статей и сообщений на тему изучения памятников Алтая монгольского периода (Тишкин А.А., 1998; 2000а–б; 2001а–в; 2002а–в и др.). В них изложены имевшиеся к тому времени результаты накопления определенного круга источников, которые создавали возможности для обобщения материалов на новом исследовательском уровне. Для предгорно-равнинной зоны Алтая выявлены и соответствующим образом обозначены следующие объекты (Тишкин А.А., 2001а): **БЕ-VI**, могилы-3–4 (Грязнов М.П., 1956, с. 147–148) и могилы-7–8 (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000); **БЕ-XIV**, могилы-5–6, 8 (Грязнов М.П., 1956, с. 155–156) и, вероятно, **БЕ-II**, могила-1 (Грязнов М.П., 1956, с. 154); **Раздумье-I**, могила-8 (Уманский А.П., 1987, с. 89–91, 93); **АБ**, две разрушенные могилы (материалы не опубликованы, хранятся в БКМ, коллекции №179 и 181), рядом располагаются еще два кургана, предположительно. того же времени (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992, с. 15); **Сухие Гривы**, сведения о двух могилах частично введены в научный оборот (Савинов Д.Г., 1979, с. 69–71), о третьей имеется упоминание (Членова Н.Л., 1970, с. 201; материалы хранятся в БКМ (колл. №197)),

известны другие данные о работах на этом памятнике (Фролов Я.В., 1999, с. 14–15); **Осинки**, около 20 погребений (Савинов Д.Г., 1971а–б; 1981; 1994 и др.); **Ильинка**, могилы-1, 4–5 (Уманский А.П., Караваев А.В., 1992; материал частично введен в оборот); **Кармацкий**, из более чем 70 курганов раскопано несколько объектов (Тишкин А.А., 2000б, с. 172), а сведения опубликованы лишь об одном (Могильников В.А., 1992); **Усть-Алейка-Клуб**, пять погребений (Бородаев В.Б., 1987; Кунгуров А.Л., 1991); **Усть-Алейка-5**, одно разрушенное захоронение (предметы переданы в Алтайский краеведческий музей (АГКМ, колл. №14483), сведения кратко опубликованы В.Б. Бородаевым в краевой газете); **Кашкарагаиха**, разрушенный курган предположительно монгольского времени обследовал В.Б. Бородаев; **Телеутский Взвоз-I**, исследовано десять курганов (Казаков А.А., 1995; Казаков А.А., Тишкин А.А., 1997; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 1998; и др.); **Рубцовский**, среди разрушенных погребальных объектов отмечены могилы монгольского времени (Абдулганеев М.Т., 1998, с. 172–174); **Островное-III**, одно женское погребение (Иванов Г.Е., 1999; 2000); кроме этого, имеются еще сведения о разных, в том числе случайных, находках, среди которых в основном опубликованы предметы вооружения (Горбунов В.В., Клюкин Г.А., 1997; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998а–б; и др.).

Приведенные выше данные демонстрировали наличие как грунтовых, так и курганных могильников, а также отражали основу для решения целого ряда проблем, касавшихся монгольского времени рассматриваемого региона. Однако часть сведений не была введена в научный оборот. Поэтому тогда первоочередной задачей стояла публикация обозначенных материалов, что планомерно реализовывалось в последующие годы (Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001; Тишкин А.А., 2001а; 2002а; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002; и др.). Эти результаты будут представлены и в данной монографии.

Памятников Горного Алтая монгольского времени, обозначенных в начале 2000-х гг., оказалось значительно меньше (Тишкин А.А., 2001а). Кроме уже указанных пяти могил из **Кудыргэ** и трех погребений из **Яконура**, добавились материалы, полученные в 1990-е гг.: **Бертек-20** (Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994а–б), **Усть-Бийке-III**, четыре кургана (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 1999а, с. 318, рис. 36; 1999б, с. 522, 525, рис. 2.-17). Однако выявленные особенности расположения на Алтае погребальных объектов монгольского времени позволяли надеяться на существенное их увеличение (Тишкин А.А., 1998). Работы в данном направлении стали проводиться автором монографии в разных районах Горного Алтая. Однако исследовать перспективные памятники не удалось по указанной выше причине (см. стр. 30 настоящей монографии).

Отдельное внимание было уделено впускным погребениям развитого и позднего средневековья. Исследователи указывали, что подобный обычай захоронения широко использовался в XIII–XIV вв. на всей территории Южной Сибири (см., например: Могильников В.А., 1981, с. 194). В Горном Алтае к предмонгольскому, монгольскому и послемонгольскому периодам относится серия таких объектов: Яконур, курган №1, погр. А, Д (Грязнов М.П., 1940); Туяхта, курган №7, впуск. погр. (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941); Пазырык, курган №5, впуск. погр. (Гаврилова А.А., 1965); Ак-Алаха-I, курган №1, впуск. погр. (Полосьмак Н.В., 1994а, с. 19–22, рис. 10–11), Талдуаир-I, курган №6, впуск. погр., Балык-Соок-1, курган №9, впуск. погр., Ташанта-III, курган №10, впуск. погр. (Кубарев Г.В., 1995, с. 164–165, 167; 2005), Верх-Еланда-I, курган №5, впуск. погр. (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990); Барбургазы-I, курган №19, впуск. погр. (Кубарев Г.В., 1992); Межелик, курган №4, впуск. погр. (Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С., 1996, с. 151–153); Кок-Эдиган, курган №14, погр. А (Худяков Ю.С., 2000, с. 54–60) и др. Своеобразную группу составляют так называемые «скаль-

ные» погребения: например, в урочище Тожон (Кочеев В.А., 1983), в ущелье Комей (Худяков Ю.С., 2000) и др. Наличие данных объектов указывает на необходимость решения целого ряда отдельных исследовательских задач для объяснения зафиксированных ситуаций.

Весь приведенный перечень источников (Тишкин А.А., 2001а) позволял в определенной мере приступить к анализу имеющихся материалов из исследованных памятников монгольского времени, расположенных в Горном и Лесостепном Алтае. При этом отмечалось, что работа будет более эффективной при сравнительном сопоставлении данных тогда еще не обозначенных археологических культур. Несомненную перспективу имели дальнейшие разработки отдельных тем и проведение многочисленных реконструкций. Значимым итогом могла бы стать этническая идентификация локальных групп населения развитого средневековья, а также выявление определенных их компонентов в культурах современных народов Западной Сибири и сопредельных территорий.

Изданная в 2002 г. монография «Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время» (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002) положила начало реализации обозначенных направлений деятельности. В ней с опорой на известные к тому времени сведения опубликованы материалы раскопок курганов монгольского периода, исследованных около с. Елунино Павловского района Алтайского края. Несмотря на то, что захоронения оказались разграбленными, удалось обнаружить и реконструировать многие стороны погребальной обрядности, а также представить отдельные

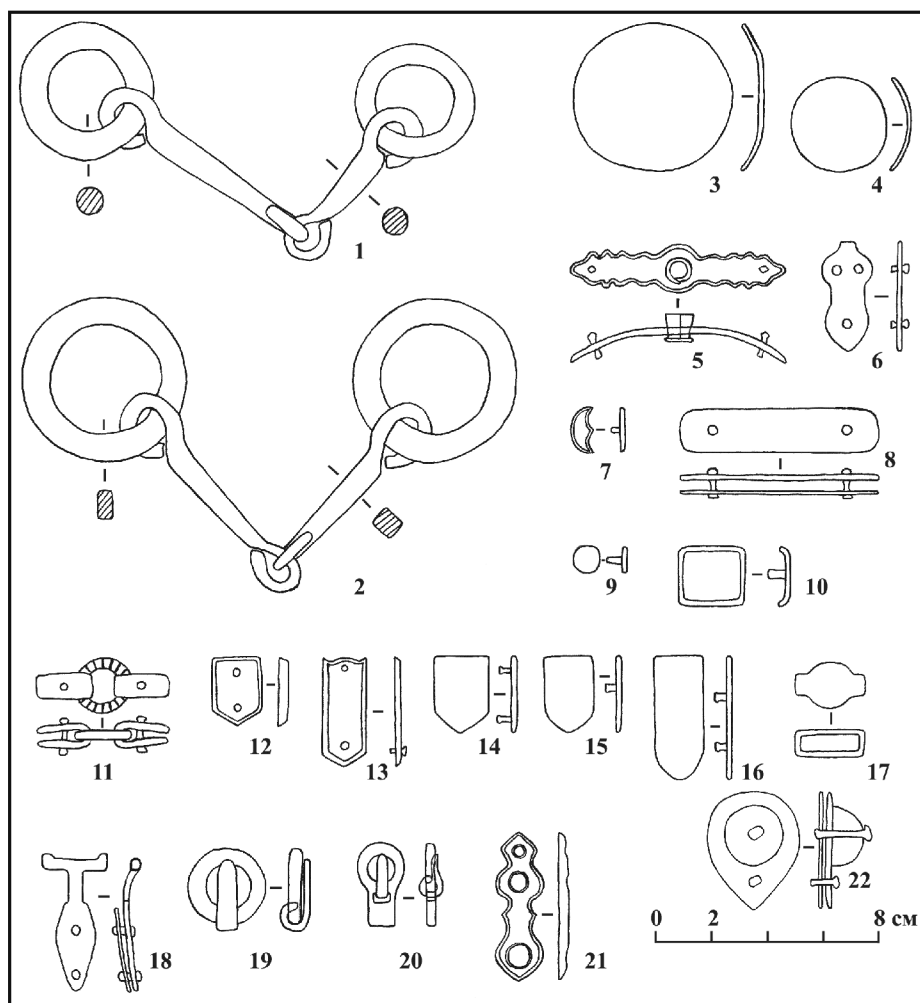

Рис. 5. Снаряжение верхового коня.

Предметы уздечного набора (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, табл. 1)

сферы материальной культуры. На основе зафиксированных деталей узды (рис. 5) и обнаруженных стремян (рис. 6) осуществлена совокупная реконструкция снаряжения верхового коня (рис. 7). Эти репрезентативные данные легли в основу хронологии памятника, который на основе широкого круга привлеченных аналогий датирован не ранее середины XIII в. и не позднее начала XIV в. (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 100–103).

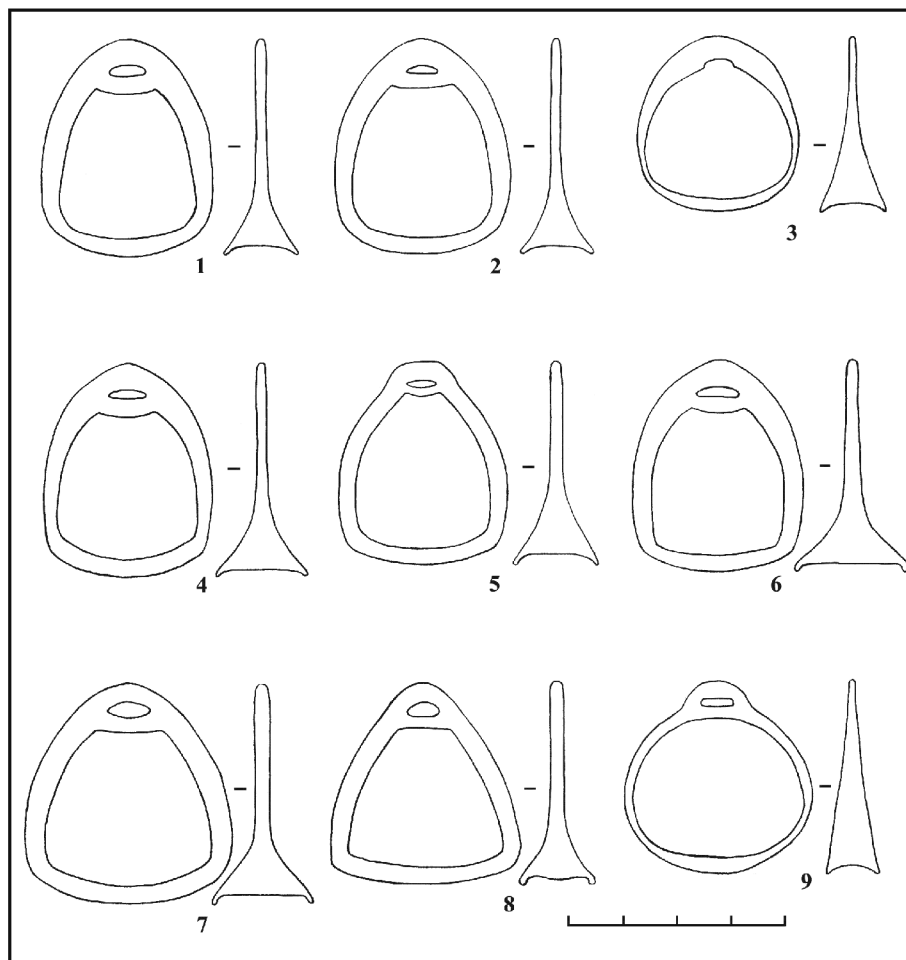

Рис. 6. Снаряжение верхового коня. Стремена
(по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, табл. 2)

К сожалению, другие группы вещественных комплексов, относящиеся к вооружению, орудиям труда, предметам быта, деталям одежды и украшениям, оказались не столь многочисленными. Это было связано с сильной ограбленностью могил. Тем не менее обнаруженные предметы оружия и снаряжения для дальнего боя оказались показательными и обеспечили возможность подробно рассматривать каждую категорию находок (рис. 8). Защитное вооружение на памятнике не обнаружено.

Другим обозначенным предметам также уделялось определенное внимание. Однако требовалось и более детальная

работа с ними. Она была продолжена лишь частично (Тишкин А.А., 2002б; 2003в; 2006б; 2009; Тишкин А.А., Пилипенко С.А., 2003). Полученные результаты найдут отражение в следующей главе. Это особо будет касаться изучения остатков женских головных уборов, а также изделий декоративного назначения, находки крупного фрагмента металлического зеркала и деревянного гребня.

В публикации А.А. Тишкина, В.В. Горбунова и А.А. Казакова (2002, с. 143) дана сводка известных к тому времени памятников Лесостепного Алтая и обозначена **кармацкая** культура, идея наименования которой впервые была изложена автором монографии на конференции «Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии» (Улан-Удэ) (Тишкин А.А., 2000б, с. 172).

Важной стороной проделанной работы стало выделение трех этапов, демонстрирующих становление и дальнейшую трансформацию зафиксированного явления. В характеристике выделенных периодов имела своя специфика. В ней нашла отражение этнокультурная интерпретация развития кармацкой культуры, приведенная в соответствии с основными историческими событиями.

Первый этап был назван «джучидским» и датирован 1-й половиной XIII в. (1207–1243 гг.). Начало его соотнесено с завоеванием монголами Южной Сибири в 1207 г. и выделением улуса Джучи в 1209 г., а окончание – с образованием в составе Монгольской империи государства «Золотая Орда» в 1243 г. Территория Лесостепного Алтая, по-видимому,

вошла в состав улуса Джучи сразу после его выделения и осталась за ним после раздела земель в 1227 г., когда Южная Сибирь отошла к улусу Великого хана. Вероятно, присоединение Лесостепного Алтая в отличие от Алтае-Саянского нагорья проходило относительно мирным путем. Об этом свидетельствует сохранение значительной части местного населения, а также многие черты преемственности со сросткинской культурой. Нет на этом этапе и собственно монгольских погребений. Однако происходят значительные изменения в мировоззрении (смена ориентации при захоронении, новые элементы погребальной обрядности) и полное восприятие материальной культуры, основанной на монгольских традициях (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 141).

Следующий этап был обозначен как «раннезолотоордынский». Он датирован 2-й половиной XIII – началом XIV в. н.э., или 1243–1312 гг. Данный период соотносился с правлением золотоордынских ханов от Бату (1243–1256) до Токты (1291–1312). В то время происходило постепенное обособление Золотой Орды от Монгольской империи, а после 1260 г. и полное ее выделение в самостоятельное государственное образование на фоне общего размежевания крупных улусов. Характерная черта второго этапа – преобладание монгольских традиций в материальной культуре, задававших своеобразную имперскую «моду» среди покоренных народов. Лесостепной Алтай был отдаленной восточной окраиной Золотой Орды, пограничной с улусом Великого хана и затем с Юаньской империей. На рассматриваемом этапе, помимо кыпчакских и тюрко-самодийских, появились собственно монгольские погребальные памятники, что было, очевидно, связано с необходимостью более прочного закрепления восточных рубежей нового государства. Монголы, пришедшие в Лесостепной Алтай, скорее всего, попали сюда не напрямую из Центральной Азии, а из земель Золотой Орды. Они представляли собой небольшой военный отряд (только мужчины), который возглавил объединение местного населения, к тому времени уже полностью ассимилированного монгольской культурной средой (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 141–142).

Третий этап характеризовался как «позднезолотоордынский» и датировался XIV в. н.э. (1312–1396 гг.). Этот этап соотносился с правлением золотоордынских ханов: от Узбека (1312–1341) до Токтамышша (1380–1396). Его начало связано с активной исламизацией кочевого населения, расцветом городов и наивысшим взлетом политического могущества Золотой Орды, а окончание – с распадом единого государства. Характерные черты третьего этапа – преобладание исламских культурных традиций, усиление диспропорции в развитии центра и периферии. Могильники Лесостепного Алтая этого времени содержат значительно меньше инвентаря. По-прежнему можно выделить самодийский и кыпчакский способы погребений. Монгольский компонент в погребальном обряде уже не прослеживается, что

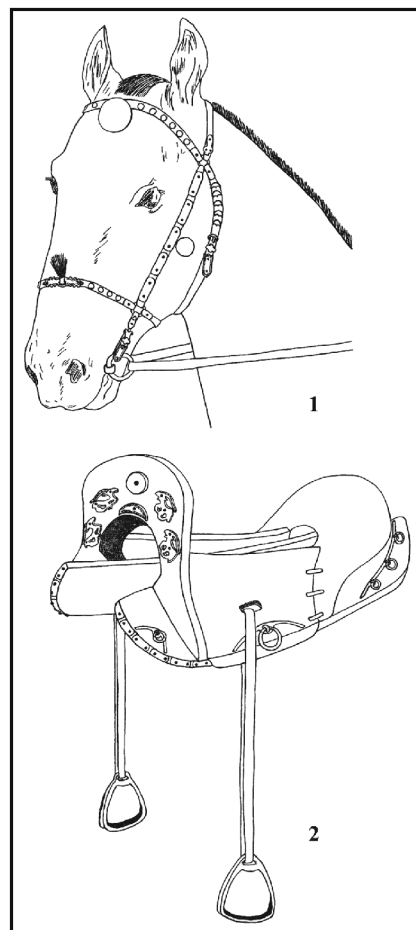

Рис. 7. Снаряжение верхового коня. Реконструкции узды и седла (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, табл. 3)

связано с ассимиляцией монголов автохтонным населением (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 142–143).

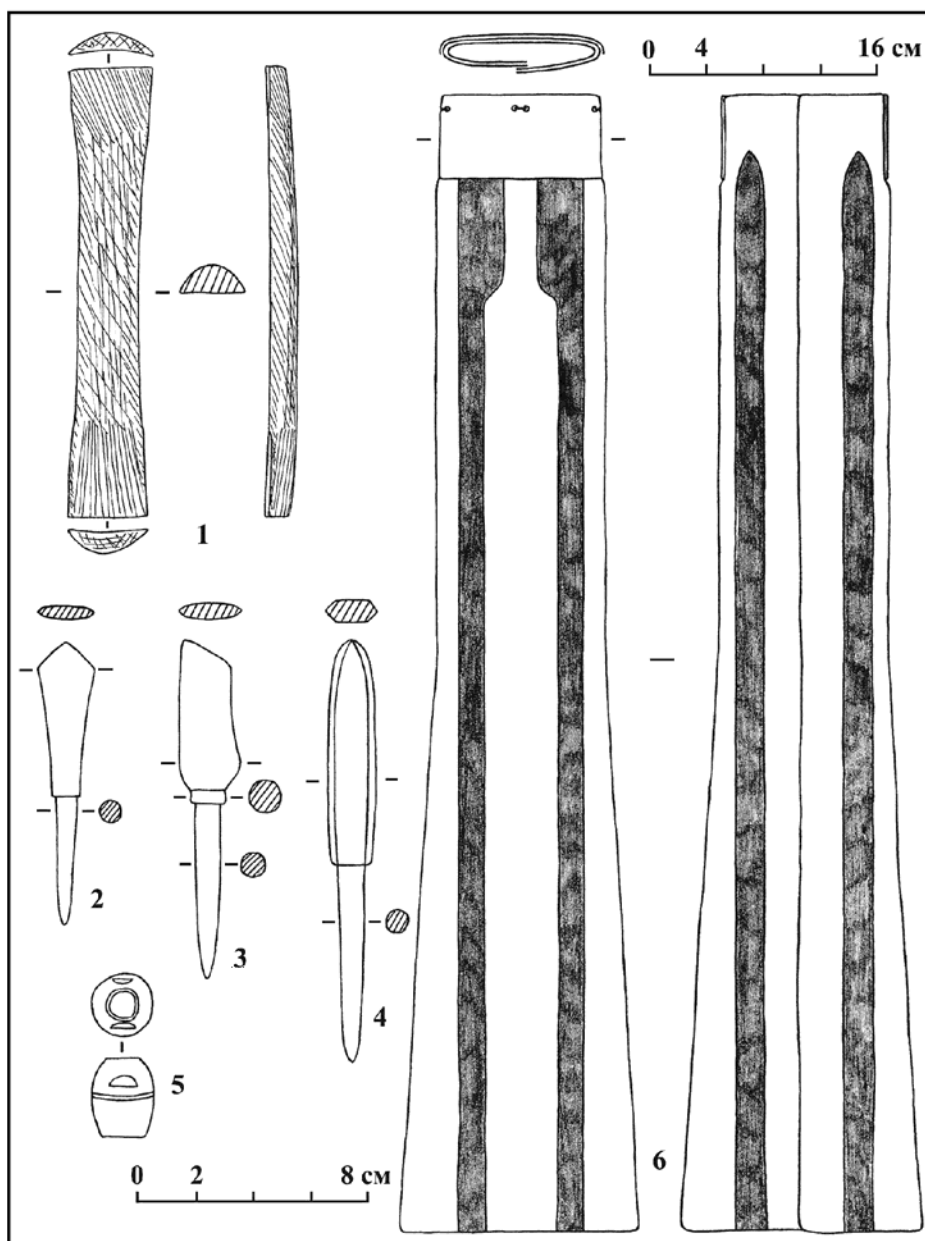

Рис. 8. Вооружение. Предметы оружия и снаряжения для дальнего боя (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, табл. 4)

Материалы, полученные экспедициями Алтайского госуниверситета в последующие годы в ходе реализации целенаправленной работы, позволили дополнить содержание культуры населения Лесостепного Алтая монгольского времени, намеченное в рассмотренной монографии (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002).

В 2002 г. в научно-популярном журнале «Природа» вышла статья, которая называлась «Средневековые воины Алтая» (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002в). Несмотря на конкретный характер изложенных сведений, в ней была дана краткая характеристика этнополитической ситуации в конце XII в. на территории северной части Евразии и представлена соответствующая карта-схема (рис. 9), в самом общем виде демонстрирующая историко-культурную картину описанных событий.

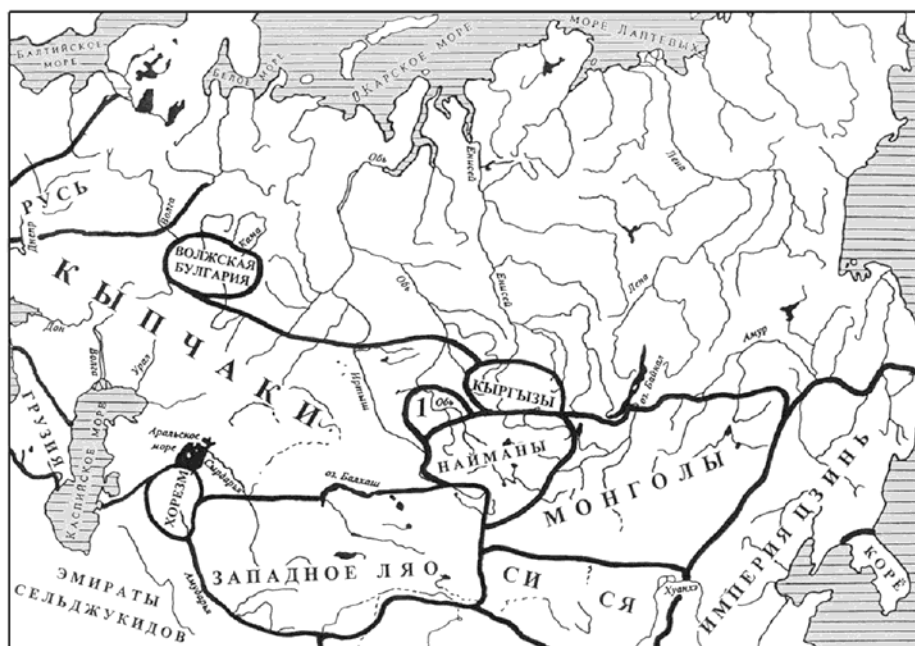

Рис. 9. Этнополитическая ситуация в Евразии в конце XII в. 1 – сросткинская культура.
Карта-схема (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002в)

Подобная же иллюстрация (рис. 10) отражала изменения, произошедшие в связи с образованием Монгольской империи и последующим разделением ее на отдельные государства. Такой упрощенный вариант моделирования требовался для восприятия содержания статьи, рассчитанной на широкую аудиторию. Следует отметить, что существует реальная необходимость в создании карт-схем для изложения истории Сибири и демонстрации реконструкций, основанных на комплексе источников. Поэтому одна из иллюстраций (рис. 9) была использована в учебно-методическом пособии, посвященном изучению конского снаряжения (Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004, рис. 60).

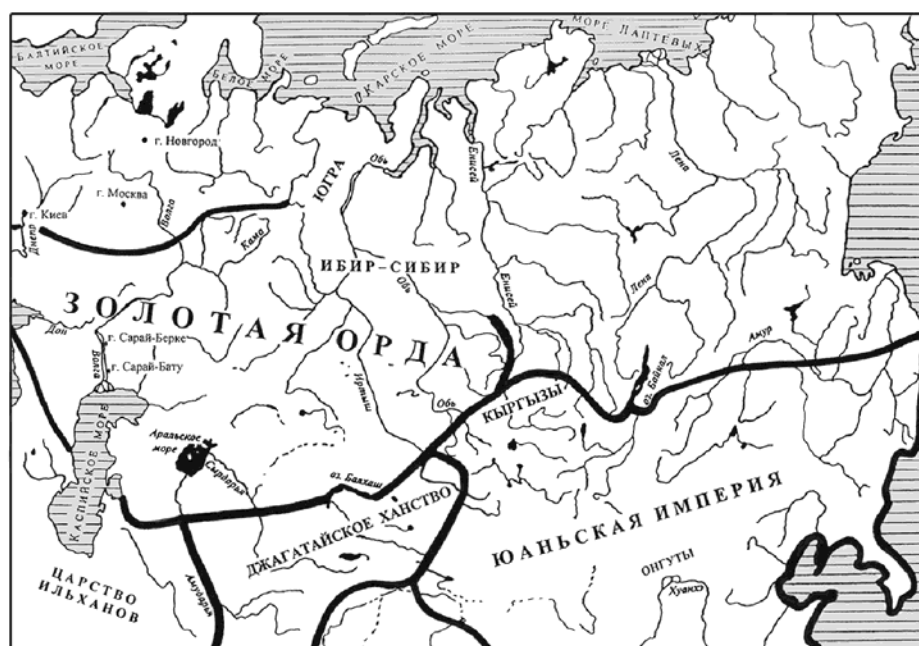

Рис. 10. Монгольские государства в конце XIII – начале XIV в. Карта-схема
(по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002в)

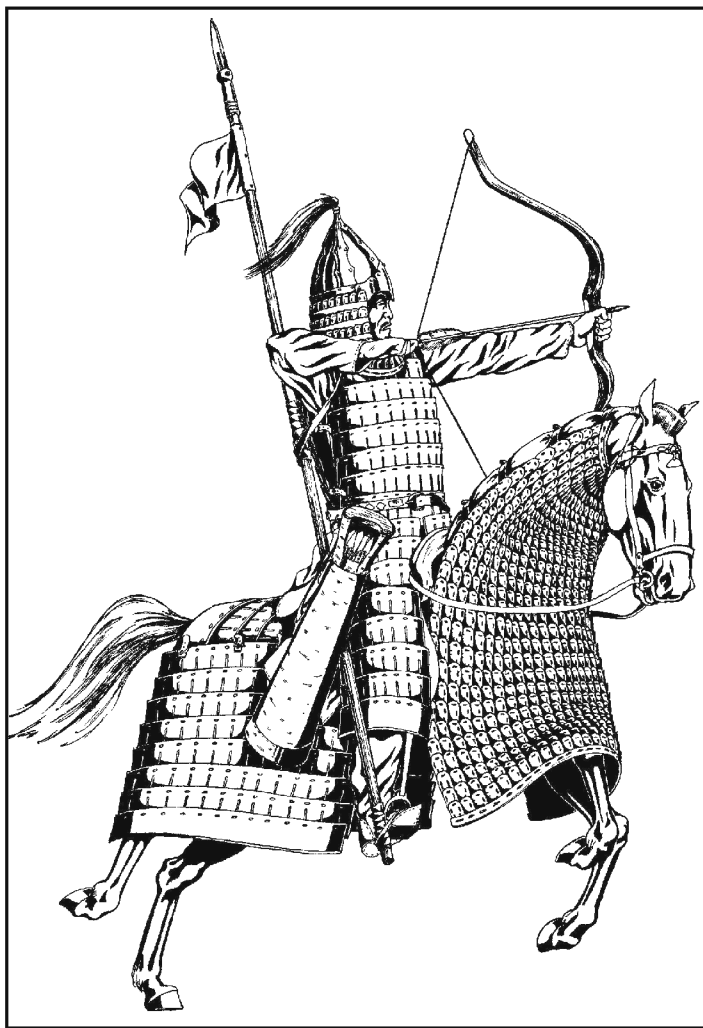

Рис. 11. Реконструкция тяжеловооруженного воина XII–XIV вв. по археологическим материалам из Горного Алтая (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002в)

Приведенные в журнале «Природа» изображения вооруженных всадников монгольского времени (рис. 11 и 12), выполненные на конкретном археологическом материале, который обнаружен в Горном и Лесостепном Алтае, ранее уже использовались при издании учебного пособия (Горбунов В.В. и др., 1997б, рис. 87 и 89). Но в данном случае они наглядно демонстрировали набор вооружения, характерный для разного состава войск монгольского периода. Необходимо отметить, что приводимые реконструкции были выполнены В.В. Горбуновым, а рисунки подготовлены Д.В. Поздняковым. Такое сотрудничество было реализовано и на материалах других средневековых культур.

Важность отмеченной статьи заключалась в популяризации имевшихся наработок, которые оказались интересны не только специалистам, но и более широкому кругу читателей. Следует отметить, что публикация состоялась при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в ходе проведения конкурса на лучшую научно-популярную работу.

В конце 2002 г. опубликована статья, в которой в сжатом виде были представлены культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Лесостепного и Горного Алтая (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а). Ее основой стали систематизация и типология инвентаря из погребальных комплексов, содержавших наиболее массовый и представительный материал. Изучение особенностей погребального обряда позволило выявить этнокультурные компоненты у населения, проживавшего на территории лесостепной и горной части Алтая. В табличной форме были продемонстрированы краткие историко-событийные показатели и последовательно выделенные хронологические группы памятников раннего и развитого средневековья. В рамках обозначенной для Лесостепного Алтая кармацкой культуры XIII–XIV вв. указаны основные могильники (Кармацкий, Телеутский Взвоз-I, Ближние Елбаны-VI и XIV, Усть-Алейка-Клуб, Сухие Гривы и др.), на которых исследованы погребения, демонстрировавшие формирование и развитие новой общности в условиях монгольских завоеваний, образования и распада Золотой Орды. Несмотря на небольшое количество изученных памятников, культура монгольского времени Горного Алтая, исходя из имевшихся материалов, была разделена на два этапа: верх-еландинский (XII в.) и усть-бийкенский

(XIII–XIV вв.)*. Однако ее название не было определено из-за недостаточной изученности археологических памятников рассмотренного периода.

Предложенные на обсуждение разработки (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2003) не вызвали особых возражений со стороны коллег, что способствовало дальнейшей систематизации материалов и их всестороннему изучению.

В 2002 г. вышел первый том «Истории Республики Алтай», который охватывал период от первоначального заселения людьми рассматриваемой территории до XVIII в. В книге была представлена политическая и этнокультурная ситуация в Горном Алтае в XI–XIV вв., а также охарактеризованы немногочисленные археологические материалы, которые, по мнению Ю.С. Худякова (2002), «...не дают возможности для их идентификации с конкретными этническими группами, известными по письменным источникам».

В первой половине июня 2004 г. в НПЦ «Наследие» (Барнаул) обратился директор Усть-Алейской школы (Калманский район Алтайского края) Сергей Васильевич Головин с информацией о том, что в центре села разрушена древняя могила. С собой он привез коробки с обнаруженными материалами (многочисленные куски бересты, фрагменты ткани, кости человеческого скелета, обломки сгнившего дерева, железные предметы).

Для атрибуции этих находок были привлечены сотрудники кафедры археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ. В ходе первоначального осмотра выяснилось, что захоронение относится к монгольскому времени (XIII–XIV вв.). Как уже было указано, погребения этого периода в начале 1980-х гг. и позже уже фиксировались в центре с. Усть-Алейка. Тогда при строительстве сельского стадиона около клуба разрушили часть памятника. Удалось исследовать лишь пять могил (Бородаев В.Б., 1987; Кунгуров А.Л., 1991).

Через день после получения сообщения на место обнаруженного захоронения выехали представители Алтайского госуниверситета и НПЦ «Наследие». В результате выяснилось, что при планировке участка под строительство цеха переработки плодов и ягод бульдозерист при очередном проходе обнажил «гнилушки» и кости человеческих ног. Проезжавший мимо

Рис. 12. Реконструкция средневооруженного воина XIII–XIV вв. по археологическим материалам из Лесостепного Алтая (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002в)

* Данное предложение впервые прозвучало в докладе, прочитанном в начале 2002 г. на конференции «Степи Евразии в древности и средневековье» (Санкт-Петербург), посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Публикация этих материалов состоялась только в 2003 г. (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2003).

директор школы обратил внимание на производившиеся работы. Им же и было зафиксировано разрушение могилы. В ходе выборки остатков погребения, кроме С.В. Головина, приняли участие и другие местные жители, в том числе работники находящегося поблизости цеха предприятия «Алтайагровитсад». При встрече с ними удалось восстановить картину событий и получить сведения о погребении. Для установления границ могилы находчики лопатой произвели около нее зачистку поверхности спланированного участка. Земля в этом месте была очень плотной, что связано не только с работой бульдозера, но и с длительной эксплуатацией территории мыса, на котором раньше располагались хозяйственные постройки, а также проходила грунтовая дорога, рядом прокладывали водопровод, делали асфальтированную улицу, сооружали линии электропередач. Выявленная погребальная конструкция оказалась ориентирована примерно по линии З–В. Она состояла из ямы, на дне которой поперек лежали полотна бересты, а по периметру их располагалась рама прямоугольной формы из «тесаного дерева». Внутри находился скелет человека. По мнению С.В. Головина, покойник был «как бы завернут в бересту». Умершего положили вытянуто, на спину, головой на юго-запад. Руки находились вдоль туловища. Под берестяным перекрытием на скелете почти сплошным слоем фиксировалась ткань. Наконечники стрел обнаружались у правой руки, а фрагменты железного предмета – в районе ног. Содержимое могилы выглядело сильно спрессованным. Череп был раздавлен и смещен к груди, береста деформирована. Конструкция деревянной рамы оказалась простая: продольные горбыли немного выступали за поперечные доски и, вероятно, приставлялись друг к другу без особого крепления. Этот момент наиболее хорошо просматривался в западной части сооружения еще при зачистке поверхности участка. Практически все содержимое могилы было выбрано с помощью подручных средств, а затем сложено в коробки для доставки в Барнаул. Находчики отметили, что нижняя береста очень сильно «прилипла» к грунту и ее приходилось снимать с определенными усилиями.

По сообщению С.В. Головина, очертание могилы наблюдались очень четко, а выборка производилась в пределах этого контура. Данное обстоятельство способствовало установлению прибывшими археологами точного места нахождения захоронения при повторной зачистке указанного участка. В результате могила, получившая следующее порядковое обозначение «6», была доисследована. Материалы опубликованы (Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П., 2005).

В процессе подготовительных работ для осуществления строительства перерабатывающего предприятия был срезан и сnivelирован верхний слой. На поверхности местами находились фрагменты керамики и кости. На основании договора со строительной организацией аварийный участок мыса, на котором располагался археологический памятник, сначала обследовался, а затем осенью археологический отряд Алтайского государственного университета под руководством А.Л. Кунгурова провел работы в аварийной зоне. Раскопом был вскрыт участок площадью 55 кв.м. Свыше 150 кв.м исследовано посредством сплошной зачистки разрушенной поверхности. В результате был выявлен культурный слой поселения, а также обнаружено и изучено несколько разновременных могил, среди которых оказались и погребения монгольского времени (№7, 9, 10). Полученные результаты нашли отражение в научном отчете А.Л. Кунгурова (2006) и кратко изложены в «Археологических открытиях 2005 года» (Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2007). Полное представление материалов развитого средневековья будет отражено во второй главе настоящей монографии*. Обнаруженные могилы елунинской культуры ранней бронзы опубликованы (Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Грушин С.П., 2005).

* Автор благодарен А.Л. Кунгурову за возможность публикации сведений о погребениях монгольского периода.

К сожалению, попытки остановить строительство на территории археологического памятника или провести там дальнейшие раскопки не увенчались успехом. Несмотря на письменные обращения во все необходимые инстанции, в том числе и в прокуратуру, цех был построен, и вся площадь мыса оказалась задействована для хозяйственно-производственных нужд.

В 2005 г. была издана монография, в которой подробно представлены материалы раскопок погребений монгольского времени, обнаруженных на уже упомянутом памятнике Усть-Бийке-III в Горном Алтае (рис. 13), и дана культурно-хронологическая интерпретация имевшихся данных (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005б, с. 45–53, 70–73, 146–153, 163). Кроме этого, в ней представлена культурно-хронологическая схема изучения истории Алтая от раннескифского до монгольского периода (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005б, с. 159–163), которая в развернутом виде и с соответствующей характеристикой была продемонстрирована в докторской диссертации одного из авторов указанной книги (Тишкин А.А., 2006а).

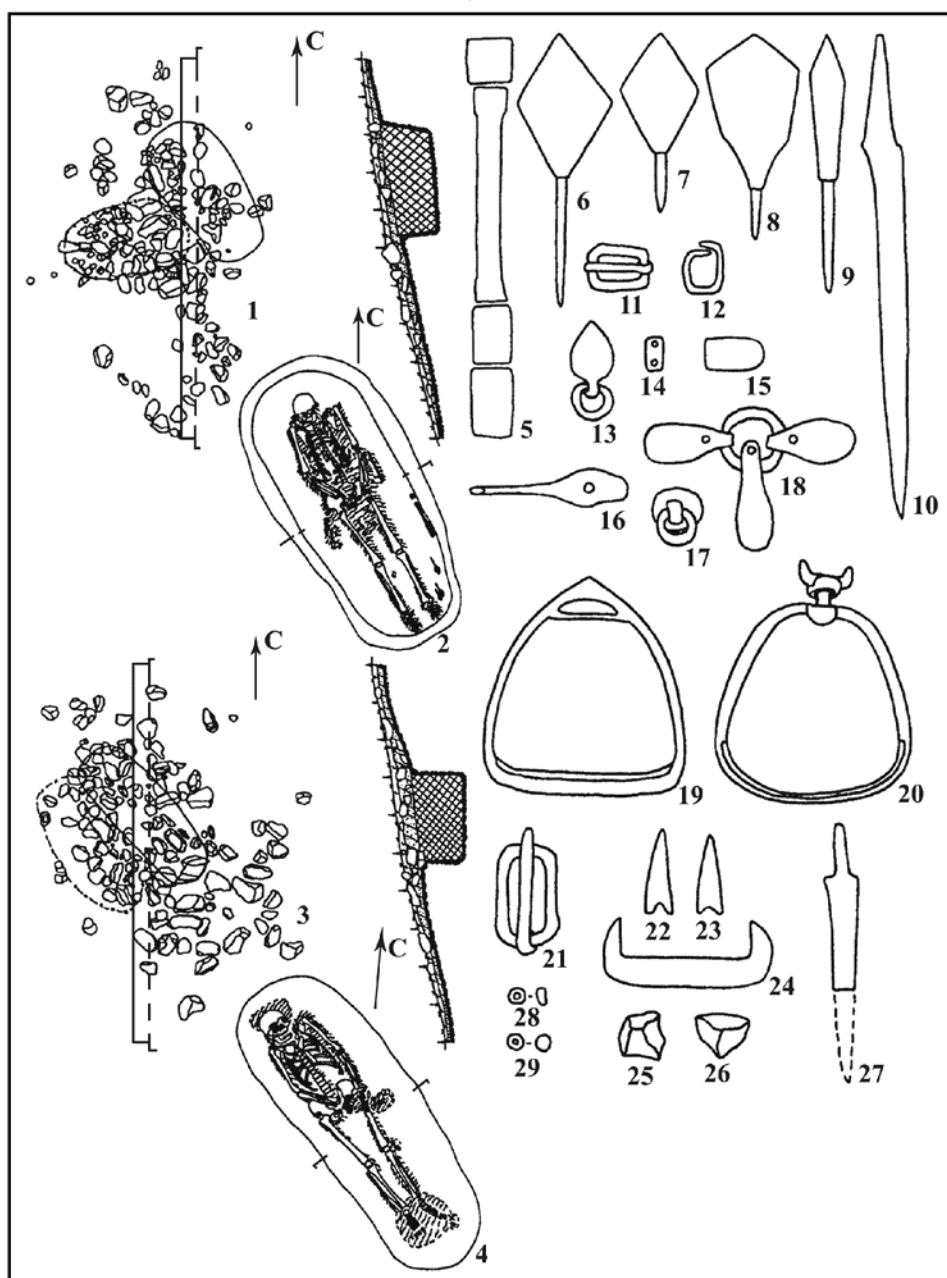

Рис. 13. Комплекс культуры монгольского времени, зафиксированный на памятнике Усть-Бийке-III (по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005б, рис. 76)

В 2006 г. состоялась монографическая публикация Д.В. Поздняковым результатов изучения антропологического материала, полученного в том числе при раскопках памятников монгольского времени на территории Горного и Лесостепного Алтая. Имевшаяся в распоряжении исследователя немногочисленная серия черепов из Горного Алтая, характеризующаяся «...четко выраженными монголоидными особенностями, тяготеющими к центральноазиатской расе», не позволила ему более «...определенно судить о расогенетических процессах, происходивших на этой территории в первой половине II тыс. н.э.». (Поздняков Д.В., 2006, с. 51). Можно было только предполагать об усилении миграции кочевников из Центральной Азии на Алтай. Интересные заключения изложены на основании рассмотрения антропологических материалов носителей кармацкой культуры Верхнего Приобья. Они демонстрируют усиление доли монголоидного элемента по сравнению с предыдущим сrostкинским населением. Особенно это заметно в мужской серии. В то же время в женской части выборки отмечаются черты, характерные для предшествующего периода (Поздняков Д.В., 2002; 2006, с. 51–52). В данном случае на антропологических материалах нашли отражение процессы взаимодействия пришлого мужского населения с местной популяцией. Подобные выводы подтверждаются заключениями С.С. Тур, изучавшей черепа из памятника монгольского времени Усть-Алейка-Клуб, о чем кратко будет изложено в следующей главе.

В 2006 г. вышла монография В.В. Горбунова, которая стала продолжением работы, опубликованной в 2003 г. В этих изданиях обобщены материалы по военному делу населения Горного и Лесостепного Алтая в III–XIV вв. (Горбунов В.В., 2003; 2006). Всесторонний анализ обширного по объему материала позволил не только охарактеризовать каждую категорию предметов вооружения, но и выделить соответствующие комплексы боевых средств, характеризующих состав войск и уровень развития военной сферы. Представление и систематизация данных осуществлялись в рамках разработанной культурно-хронологической схемы (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а; 2005б; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2003). Стоит отметить, что исследования В.В. Горбунова учитывали предыдущие разработки Ю.С. Худякова (1986; 1991; 1997 и др.), а также А.Н. Кирпичникова (1966а–б; 1971), М.В. Горелика (1990; 1995; 2002 и др.) и других специалистов в области изучения военного дела средневековых народов. Они базировались на значительном, в том числе новом, материале, полученном при раскопках памятников Лесостепного и Горного Алтая. Одной из важных сторон указанных монографий стала характеристика военного дела монгольского периода.

Планомерные археологические исследования на памятниках монгольского времени позволили говорить о достаточно сложной системе устройства погребальных сооружений (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, с. 116–133), которые реально отражали умения и навыки кочевников,строивших захоронения, что не зафиксировано в других источниках.

На основе материалов с могильников БЕ-VI (Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000), Усть-Алейка-Клуб (Кунгуров А.Л., 1991; Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П., 2005) и Кармацкий (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002б; Тишкин А.А., 2004а; и др.) А.Л. Кунгуровым и А.А. Тишкиным (2006) была предпринята попытка детальной реконструкции отдельных внутримогильных конструкций. Осуществляемый указанными авторами алгоритм многоплановой фиксации и описания исследованных погребальных камер в полевых условиях, несмотря на серьезные разрушения, дает возможность представить последовательность их сооружения и реконструировать внешний вид. Опыт подобной практики уже нашел отражение при публикации материалов памятника монгольского времени Телеутский Взвоз-I (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002). Такая работа была

продолжена при изучении других комплексов. В результате оказалось, что ни одну из исследованных внутримогильных конструкций нельзя назвать «конвертом». Листы бересты со временем сворачивались и частично перекрывали скелет человека, но изначально они располагались совершенно по-другому. Определенные традиции отражает устройство в могильной яме продольных или поперечных уступов. Следует отметить широкое использование досок, плах и горбылей, которые формировали параметры и объем погребальной камеры. Учитывая вышесказанное, можно следующим образом восстановить последовательность оформления внутримогильного сооружения (Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2006, с. 150–151).

1-й этап. Подготовка могилы. Все исследованные погребения находятся в относительно неглубоких ямах (от 0,4–0,5 до 1–1,2 м) подпрямоугольной или вытянуто-трапециевидной формы. Иногда устраивались уступы, игравшие роль опоры при устройстве перекрытия. Зафиксированы случаи «незапланированных» прокопов для размещения деталей сооружения, которые не входили по каким-то причинам в подготовленное пространство. Стенки и пол ямы выравнивались. Супесчаный грунт впоследствии часто сползал и осыпался, деформируя и нарушая внутримогильные конструкции.

2-й этап. Установка рамы. Для формирования погребальной камеры применялись достаточно широкие и массивные горбыли или другие деревянные заготовки. Их длина, как правило, соответствовала параметрам ямы, хотя встречены случаи использования «несоразмерных» брусев. Рама устанавливалась тщательно, высота стенок нивелировалась подсыпкой грунта и трамбовкой его. Связка продольных и поперечных деталей могла осуществляться жестко. Например, в торцовых частях продольных горбылей вырубался паз, в который затем вставлялась поперечина. В могиле-1 кургана №71 на памятнике Кармацкий зафиксирован способ соединения рамы с помощью «диагонального» среза участка торца (рис. 14.-1), что свидетельствует об определенных столярных навыках изготовителей. В этом же погребении отмечено применение в качестве строительного материала бруса с продольным пропилом (рис. 14.-1), который раньше явно применялся для каких-то других целей. Дополнительным свидетельством его вторичного использования являются следы обожжения на поверхности, не связанные с процедурой реализации погребального обряда. Иногда при создании внутримогильной камеры оформлялись материковые уступы. На наш взгляд, часть из них играла чисто утилитарную роль в качестве ступеньки, препятствуя осыпанию песка при сооружении конструкции. Однако зафиксированы случаи использования уступов в виде специальной опоры для продольного или поперечного настила (Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П., 2005). В могиле-7 памятника БЕ-VI размещение перекрытия на уступах позволило строителям погребения вообще отказаться от рамы (рис. 14.-2). Подобный факт отмечен и в могиле-4 комплекса Усть-Алейка-Клуб, однако там роль уступов выполнило сужение ширины ямы, в стенки которой были «уперты» доски поперечного перекрытия (рис. 15.-2). После установки рамы дно камеры выстилалось берестой окоренной стороной «наружу». Эти листы были подготовлены заранее, выкроены и сшиты по требуемой площади с небольшим запасом. Отмечены факты вторичного использования такого материала. Некоторые зафиксированные берестяные полотна несут на себе следы более ранних раскроев, имеют отверстия для пришивания или иного крепления, отмечается закопченность и другие свидетельства длительного применения. Иногда обрезки укладывали на пол могилы (под самый нижний лист). Края берестяной подстилки перекрывали продольные и поперечные деревянные конструкции, образуя изолированное пространство. Есть случаи установки дополнительных продольных брусков для прижимания бересты. В могилах без рам такой этап формирования пространства также присутствовал. При

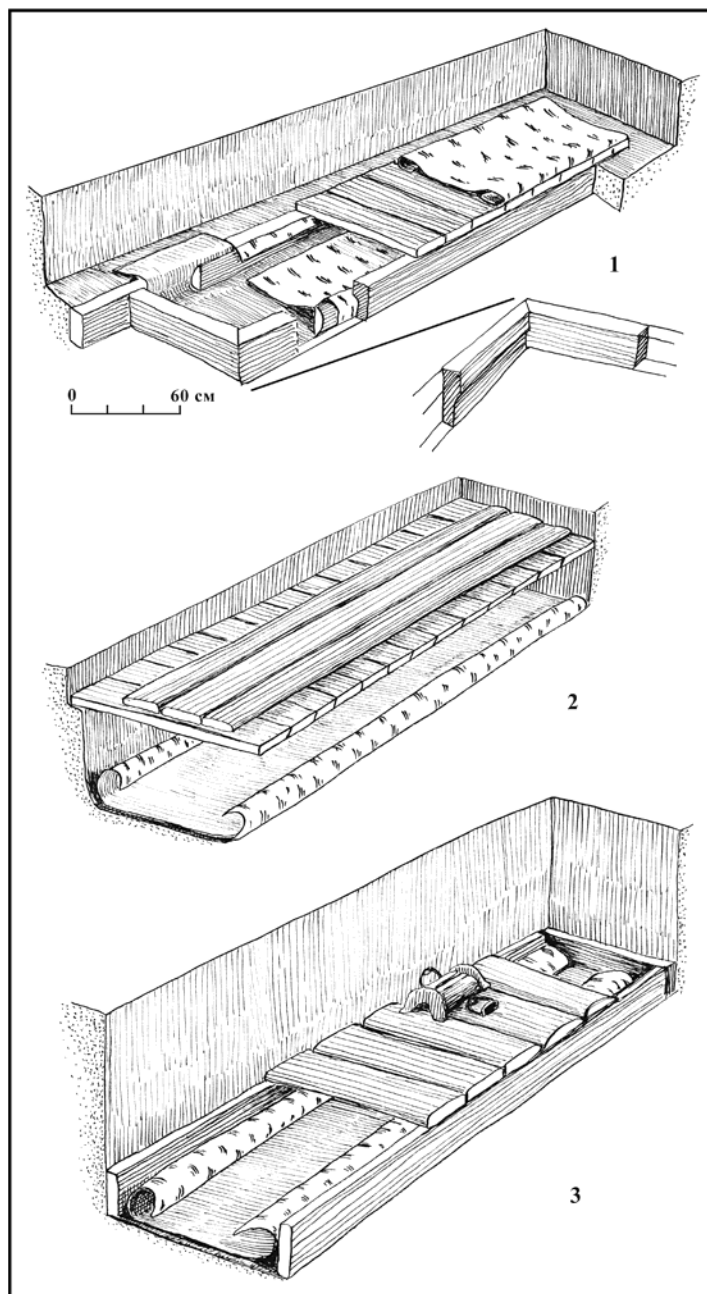

Рис. 14. Реконструкция внутримогильных сооружений монгольского времени:
1 – Кармацкий (курган №71, могила-1);
2 – БЕ-VI (могила-7); 3 – БЕ-VI (могила-8)
(по: Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2006, рис. 1)

этом листы обязательно выстилали не только дно ямы, но и ее стенки, закрепляясь перекрытием (рис. 15.-2). Нередко встречается и двойной берестяной пол с различным размещением листов. Умершего человека укладывали на бересту, даже если его хоронили в колоде, что отмечено на памятнике Кармацкий (Тишкин А.А., 2004а).

3-й этап. Перекрытие погребальной камеры. Оно совершалось после укладывания покойника в могилу и проведения комплекса ритуальных действий, связанных с этим процессом захоронения. По всей видимости, факт перекрывания могилы также являлся достаточно важной частью реализуемой церемонии. Внутримогильные перекрытия очень разнообразны. Наиболее простые представляли собой плотно подогнанный ряд поперечно уложенных досок различной ширины, иногда дополнительно усиленный продольными плахами (рис. 14.-2). Сложные перекрытия включали в свой состав берестяные листы, которые укладывались поверх настила окоренной стороной вверх или вниз (рис. 15.-2). Обнаружены и многосоставные перекрытия. Зафиксированы случаи помещения на настил цельной «крышки», которая была изготовлена из сшитых листов бересты с поперечными досками внутри. Не исключено и то, что эти доски дополнительно скреплялись между собой. В таком случае конструкция представляла собой цельный щит, обернутый берестой (рис. 15.-1, 4).

Высота погребальной камеры зависела от высоты рамы или опорных уступов и варьировала от 0,3 до 0,5 м. При этом всегда внутреннее пространство камеры было изолировано берестой от соприкосновения с грунтом. В могиле-4 памятника Усть-Алейка-Клуб выстилающие дно и стенки берестяные листы выходили за уровень перекрытия. Вне всякого сомнения, подобная обрядовая практика связана с отношением к березе как сакральному дереву, способному разделять миры живых и мертвых. Не исключена и эстетическая функция зафиксированного оформления погребальной камеры берестой. При этом деревянные внутримогильные конструкции изготавливались из других пород дерева: преимущественно

из сосны. Следует также отметить практику помещения предметов конского снаряжения на перекрытие (рис. 14.-3) (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002). Возможно, это было связано с тем, что они не являлись собственностью умершего, а были подношением (прикладом) или отражали модифицированную традицию размещения в могильной яме целой лошади или ее «шкуры» с головой и конечностями. Последнее зафиксировано при изучении не нарушенной могилы-2 в кургане №9 памятника Кармацкий (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002б; Тишкин А.А., 2004а), о чем более подробно изложено во второй главе.

Исследование курганов монгольского времени позволило сделать следующие наблюдения:

1. Все внутримогильные конструкции, которые оставлены в Барнаульском Приобье кочевниками, являются сложными сакральными сооружениями, отражавшими религиозные представления и социальное ранжирование.

2. Обнаруженные погребальные камеры свидетельствуют о развитых умениях и навыках обработки древесины и бересты. Присутствуют примеры изготовления плах, брусьев и горбылей, тонких и толстых досок, выборки различных пазовых и сквозных выемок, зафиксированы свидетельства угловых соединений деревянных конструкций и другие факты.

3. Документируется широкое использование бересты в обрядовой и хозяйственной практике. Часть листов свидетельствует об их предварительной обработке и длительном использовании в качестве покрывающей части переносных или стационарных жилищ (прошитые участки, заплатки, старые распрямленные сгибы и т.п.). С учетом известных «берестяных» элементов костюма, предметов снаряжения и быта роль бересты в повседневной жизни общества средневековых кочевников Лесостепного Алтая была очень высокой. Это требует специального рассмотрения с привлечением широкого круга археологических и этнографических источников. Такая исследовательская работа начата С.А. Пилипенко (2003, 2007 и др.) и имеет явные перспективы.

4. Отмечается существенное отличие погребальной практики, выраженной в особенностях устройства внутримогильных конструкций, между «рядовыми» погребальными

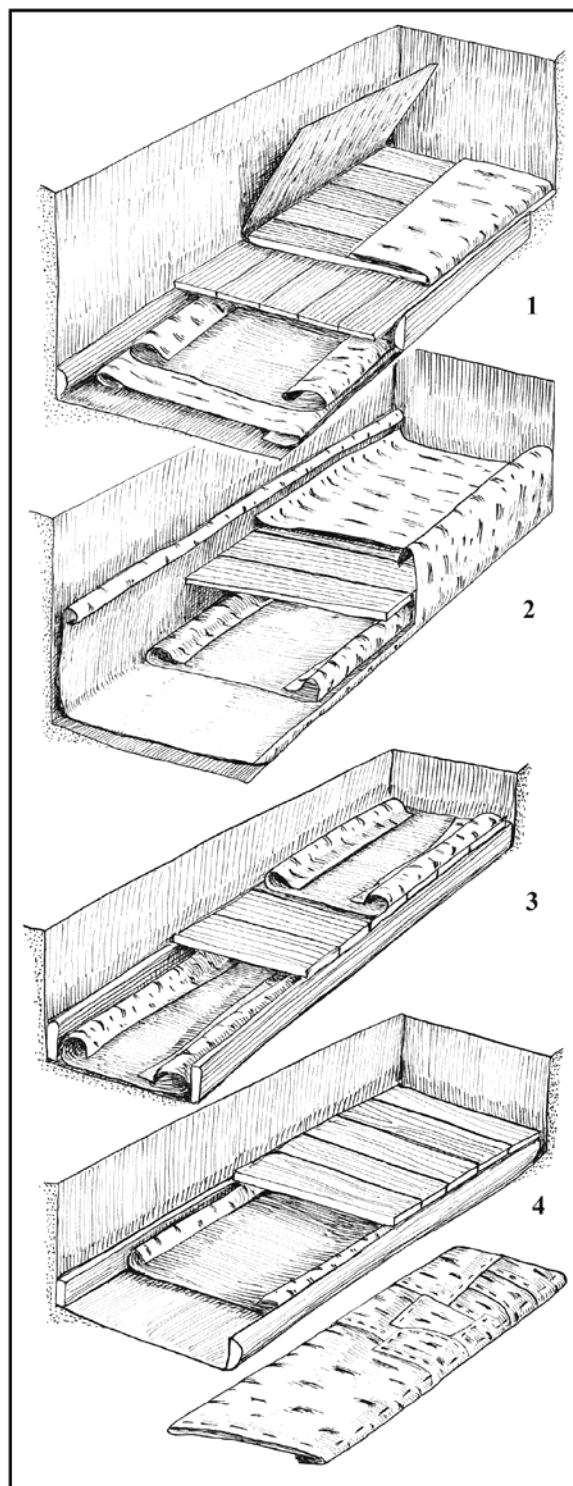

Рис. 15. Внутримогильные конструкции погребений памятника Усть-Алейка-Клуб: 1 – могила-2; 2 – могила-4; 3 – могила-5; 4 – могила-6 (по: Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2006, рис. 2)

комплексами и могильниками, содержащими более крупные «элитные» сооружения (Телеутский Взвоз-I, Кармацкий).

5. Фиксируются некоторые элементы обрядности, которые имеют корни в традициях предшествующих периодов, что предполагает проведение соответствующих сопоставлений и достоверных обоснований (Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2006, с. 152).

В 2007 г. вышла монография (Тишкин А.А., 2007а), которая представляла собой часть докторской диссертации автора, защищенной в 2006 г. (Тишкин А.А., 2006а). Она демонстрировала опыт создания периодизационных и культурно-хронологических схем при изучении истории древних и средневековых народов Алтая. В ней представлены основные результаты изучения памятников горных и предгорных районов, в том числе монгольского времени (Тишкин А.А., 2007а, с. 214–233). Формат издания не предполагал полную характеристику археологического материала. Это планировалось сделать в монографиях, посвященных отдельным памятникам или указанным периодам (Тишкин А.А., 2007а, с. 236, прим.). Настоящая работа является частью последовательной реализации обозначенного подхода.

В течение 2008 и 2009 гг. под руководством автора реализовывался проект «Алтай в монгольское время (XII–XIV вв.)», о чем уже сообщалось во введении книги. В ходе выполнения научно-исследовательских работ были подготовлены и опубликованы статьи, а также материалы доклада на конференцию, прошедшей в г. Казани (Тишкин А.А., 2008а–б; 2009а–б; Горбунов В.В., 2009; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2009). Основным результатом выполнения проекта стала данная монография.

В заключение главы стоит отметить, что процесс накопления материалов по монгольскому времени на Алтае продолжается. Наряду с уже указанными сведениями появляются новые, которые наполняют конкретным содержанием изложенные выводы культурно-хронологического и другого характера. Так, например, в 2008 г. жители с. Барчиха Шипуновского района Алтайского края при рытье траншеи на улице Восточной случайно обнаружили могилу монгольского периода. Человеческие кости из нее они передали в милицию. Место находки обследовал преподаватель БГПУ А.Н. Телегин, который зафиксировал отдельные показатели погребального обряда, а также собрал железные наконечники стрел (изделия хранятся в Историко-краеведческом музее АлтГПА).

Кроме того, обозначилась тенденция постепенного увеличения количества исследованных памятников монгольского времени в Сибири, Казахстане, Монголии, Восточной Европе и на других территориях. Опубликованы отдельные статьи и монографии с результатами археологических исследований. Имеются обобщения более широкого плана. Такой работой, например, стала не так давно изданная монография «Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-таькинская культура» (Николаев В.С., 2004). В обозначенном контексте нас интересуют соседние и ближайшие к Алтаю регионы. В Новосибирском и Томском Приобье открыта и раскопана серия памятников развитого средневековья, которые отражают специфику развития автохтонных обществ в монгольское время (Плетнева Л.М., 1997б; Адамов А.А., 2000; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008; и др.). В целом стоит согласиться с обозначением на территории Среднего Приобья басандайской культуры. Ее главной особенностью является доминанта местных традиций и целый ряд специфических черт, которые демонстрируют отличия от характеристик обозначенной в Верхнем Приобье кармацкой культуры. Необходимую работу по детальному сравнительному анализу обозначенных явлений еще предстоит выполнить. Стоит лишь обратить внимание на то, что включение памятника Осинки в ареал распро-

странения басандайской культуры не может быть принято. Даже предварительный обзор опубликованных в одной монографии трех памятников (Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008) свидетельствует об этом. Материалы монгольского времени получены в Кузнецкой котловине (Илюшин А.М., 2005) и в Барабинской лесостепи (Молодин В.И., Соловьев А.И., 2004). В Восточном и Северо-Восточном Казахстане их не столь значительное количество, чтобы проводить обобщающий анализ. Там пока идет процесс накопления материалов. Поэтому важными являются находки, полученные, например, при раскопках кургана развитого средневековья на р. Шидерты. Они дают возможность сопоставлять сведения о культуре населения монгольского времени из разных регионов Евразии (Мерц В.К., Тишкин А.А., 2000). В монографии К.Ш. Табалдиева (1996) отражены результаты исследований интересующих нас объектов на Тянь-Шане. Особое значение имеют результаты изучения памятников развитого средневековья в Монголии и Северном Китае. В последнее время благодаря сотрудничеству с зарубежными коллегами стали доступны издания, в которых опубликованы новые находки монгольского времени (Баяр Д., 2000; Эрдэнэбат У., 2006; Олзийбаяр С., Наваан Д., Эрдэнэ М., 2007; Амартувшин Ч., Гунчинсүрен Б., Ероол-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж., Амгалантогс Ц., Жаргалан Б., 2008; и мн. др.).

Таким образом, совокупность имеющихся сведений позволяет решать значительное количество вопросов, которые касаются изучения памятников Лесостепного и Горного Алтая монгольского времени. Для начала такой работы необходимо представить комплекс археологических сведений. Этому будут посвящены две последующие главы.